

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЦЕЛИТЕЛЬ

Спасти СССР!

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

Валерий Петрович Большаков

Целитель. Спасти СССР!

Серия «Героическая фантастика»

Серия «Целитель», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48680247
Целитель. Спасти СССР!: Эксмо; Яуза; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105805-0*

Аннотация

Он не такой, как все. С виду – моложавый «предпензионер», головастый инженер-программист, с вызовом именующий себя «совком». Но это с виду...

Михаил Гарин «по совместительству» – целитель. Он может помочь там, где официальная медицина бессильна. Гарин скрывает свои сверхспособности, спасая людей лишь тогда, когда совесть не позволяет пройти мимо. И еще у Михаила Петровича есть две мечты – исправить постыдные ошибки, допущенные в прошлом, и спасти СССР.

И вот сбывается первая мечта... Мише Гарину снова шестнадцать, а на дворе – 1974 год. Он ученик девятого класса в небольшом южном городке. Вся жизнь впереди! И всего каких-то десять лет, чтобы уберечь от распада первое в мире государство рабочих и крестьян. Время пошло...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	36
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Валерий Петрович Большаков Целитель Спасти СССР!

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Большаков В. П., 2019

© ООО «Издательство „Яуза“», 2019

© ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Пятница, 19 октября 2018 года,

поздний вечер.

Щёлково, улица Парковая

– Помогите! По...

Отчаянный девичий крик разнесся по безлюдной улице, взводя нервы. Я сразу узнал хрустальный голосок Леночки Рожковой. Резко оглянулся и увидел тонкую фигурку, окруженную нахочленными парнями, мнущимися в свете уличного фонаря. Словно четыре темных беса хоровод водили вокруг беленького ангелочка.

И я, как истинный мракоборец, кинулся спасать и карать.

Страху не было, хотя я и в десанте не служил, и никаким убойным приемчикам не обучен. Просто умею переходить на сверхскорость, когда надо.

«Спасибо деду за хорошую наследственность!» – мелькает в голове. Старый, в бытность свою сержантом НКВД, в

одиначку брал матерых агентов Абвера, а раненых товарищей лечил наложением рук. Видно, я в него пошел.

«Вот ведь уроды!» – я вызверился, увидев, как старшак с перекачанной, бесформенной тушей хлестнул Лену наотмашь, да так, что ее снесло к фонарному столбу. Там стояли еще трое. Добры молодцы, гогоча, отпасовали девушку обратно, но и она не сплеховала – с налету ткнула в старшака кулачком.

Тот зарычал, схватил Лену за нежную шейку, а «три богатыря» кудахтали от восторга и хлопали себя по ляжкам.

Завидев благородного рыцаря, спешившего на выручку к прекрасной даме, «богатыри» угрожающе шагнули навстречу.

«В едином порыве, – подумалось мельком. – Трое на одного!»

– Стопэ! – крикнул мне «богатырь» с томным лицом потасканного альфонса.

– А ну, дергай отсюда! – с угрозой набычился его дружок, кудрявый молодчик. Рукава своей толстовки он закатал до локтей, выставляя напоказ мускулистые руки, сине-красно-зеленые от сплошных татушек. – Резче!

С ходу вырубаю кудряша, косившего нечестивым цыганским глазом. «Альфонс» сделал попытку пробить мне печень с правой, но тут я ускорился и не отделался заурядным блоком, а врезал кулаком, ломая противнику локтевой сустав.

Третий «богатырь» счел себя лишним, и я оказался в шаге от главного отрицательного персонажа.

Лена, потерявшая сознание, беззащитно раскинулась на увядшей траве, а старшак нависал над нею в образе чудовищного творения Франкенштейна – сильно сутулясь, вжав маленькую голову в борцовские плечи, свесив длинные ручки, бугрящиеся мышцами. На сытеньком лице все еще стыло выражение злобного торжества, но уже пробивалась растерянность и даже обида – урод не понимал, кто ему все портит. Наконец он углядел меня – и обрадовался. Зря.

Я не стал его убивать. Для начала заехал носком ботинка в пах – бесформенный здоровяк согнулся, широко разевая рот и пуча глаза. Ухватившись за немытый чуб старшака, я крепко приложил его носом об колено, тут же вздернул и добавил локтем в челюсть, доламывая лицо. Качок выстелился на газоне, утробно мыча, и перекатился на грязный асфальт.

Всё, больше мне никто не мешал, и я присел возле недвижной Рожковой – мои пальцы бережно огладили лебединую шею девушки, на которой уже проступали синяки.

«Повреждено дыхательное горло... – отмечаю с мертвящим испугом. – Смещены позвонки... Задет шейный сегмент спинного мозга...»

Лена не дышала, и пульс не прощупывался.

Я положил ладонь на приятную выпуклость, растягивающую платье слева. Понятия не имею, что за энергию рождает мой организм, какую потаенную силу он передает, но я точно

знаю – она стекала сейчас с моих пальцев, обволакивая Ленино сердце, струилась по центральной нервной, пробуждая мозг девушки от смертного сна. Но успел ли? Вдруг слишком поздно?!

«Очнись, очнись, маленькая! – взмолился я. – Ну пожалуйста!»

Рожкова вздрогнула, вдохнула сипло, захрипела, открывая глаза, полные страдания.

– Ничего не говори! – поспешно сказал я, унимая бурную радость в душе. – А то будет больно. Потерпи немножко, маленькая...

Трепещущие веки Леночки набухли слезами, соленые капли потекли по щекам, губы вздрагивали, то ли улыбку силясь выдавить, то ли искривиться от боли.

«Всё, позвонки на месте, шейный сегмент без повреждений... – Я осторожно провел по девичьей шее обеими ладонями, восхищаясь чудной гладкостью и бархатистостью. – Мягкие ткани... Мягким тканям мы поможем... Залечим мягкие ткани... – Отрешась от земного, сосредоточился, даже глаза закрыл, чтобы не отвлекаться на внешний мир. – И трахеей пособим... Вот так... Порядок...»

– Спас-сibo... – вымолвила Лена.

– Не за что, – облегченно улыбнулся я и подхватил девушку на руки. – Пойдем отсюда.

Рожкова очень ослабла, да и во мне жила немалая усталость. Так всегда бывает, если слишком щедро делишься

этой своей энергией.

«Да пребудет с тобой Сила!» – шарахнулась мысль.

Я свернул в тихий переулок, плотно забитый автомобилями – машины стояли впритык, жались полированными боками, – и тут меня догнал пронзительный крик:

– Ленка!

Цокот каблучков ускорился – подбегала Наташа Томина, подруга Леночки. Они вместе снимали квартиру напротив моей – и непонятно, как уживались. Две противоположности.

Лена – спокойная и молчаливая, даже холодноватая с виду. А вот Наташа порывиста и непоседлива. И плохое, и хорошее переживает одинаково бурно, но неглубоко. Проходят считанные минуты после горчайших слез, и Наташка уже улыбается, готовая смеяться и радоваться миру.

– Что с ней? – накинулась на меня Томина и взволнованно зачастила: – Она живая? Я из окна смотрю, а тут... Так, в халате, и выбежала! Это Грицай ее? Ленка ему отказала, а он... Она живая? Ты ее спас? Да?

– Да вот, проходил мимо, – прокряхтел я, – дай, думаю, окажу первую медицинскую помощь... Открой дверь.

Наташа бросается к гулкой двери подъезда и распахивает ее настежь, пропуская меня в парадное – сразу потянуло куревом, под ногами захрустела, заклацала отставшая кафельная плитка. Плечом я задел почтовые ящики, и те возмущенно лязгнули. Жаль, что в пятиэтажках не ставят лифтов...

Лена – стройная, высокая... и далеко не пушинка. Лучше б ее подружку тащил, Наташка – миниатюрная шатенка...

Мы поднялись на третий этаж. Томина рывком отворила дверь квартиры и торопливо зацокала в спальню.

– Сюда! Сюда! – слышался ее высокий звонкий голосок.

Я вхожу бочком, проношу свой драгоценный груз и опускаю на кровать. Двухспальное ложе, сработанное из настоящего дерева, проскрипело с тихим завизгом.

– Да я бы сама... – стеснительно пробормотала Лена.

– Лежи, – наметил я улыбку. Присев с краю, позвал: – Наташ!

– Я здесь! – Томина появилась в дверях с ноутбуком в руках. Странно поглядывая на нас, она поставила бук на старомодный буфет, нажала кнопку.

– Постельный режим, – веско сказал я под нехитрую мелодийку «Виндоуз». – Есть пока не надо, но пить можно. Будет больно если, зовите меня. Ладно?

– Ага! – Наташа покладисто тряхнула головой.

– Только не стесняйтесь! Ночью прижмет – будите! Не надо боль терпеть.

– Не буду, – бледно улыбнулась Рожкова.

– Выздоровливай... – проворчал я с долей смущения, лишь сейчас заметив, что все это время держал ладонь на гладком Ленкином бедре и гораздо выше ладной коленки.

«Ну, хоть какая-то плата за лечение! – подумалось мне. – Будет что вспомнить перед сном...»

Наташа выбежала провожать.

– Спасибо тебе! – выдохнула девушка. – Не знаю, что бы я делала, если бы... Если бы...

Всхлипнув, она бросилась ко мне, прижалась, крепко обнимая за шею и словно пригибая к себе. Наташины губы были сухими и будто припухшими. Я взволновался, но девушка уже отступила, проведя ладошками по моей куртке.

Последнее «спасибо» прошелестело как «пока».

– Спокойной ночи, – мягко улыбнулся я, переступил порог и аккуратно закрыл дверь.

Среда, 21 октября 2018 года, день.

Москва, Ярославский вокзал

Тепло никак не хотело покидать московские улицы. Осень выжелтила парки и скверы, устлала листвой пожухлую траву, а похолодание все задерживалось. Кое-где деревья облетели до полной графичности – сплошная прорись ветвей, голых и черных, колыхалась над тротуарами, расчерчивая небо хаотичным, но четким узором.

И ни единого облачка, предвещающего мокроту и слякоть! Глубочайшая, пронзительная синь распаивалась над крышами мегаполиса – «унылая пора» сгустила бледную

летнюю лазурь, словно выцветшую на солнце, размалевала ею небосвод, не жадничая, не скупясь на яркость и сочность колера. Пусть хлопотливые носители разума налюбуются вдосталь синевой небес, пока не накрыла их зимняя хмарь, надышатся пусть печальной свежестью, настоящей на прели и тревожном запахе дальних снегов!

Я вздохнул, легко и бездумно. Прищурившись, измерил взглядом шпилястую гостиницу «Ленинградская», да и пошагал к вокзалу – все свои резюме я благополучно раздал по десятку адресов. Можно было возвращаться – с чувством исполненного долга.

Поток таких же, как я, жителей Замкадья, подхватил меня, закрутил и донес до самой платформы. Время ожидания не затянулось, вскоре подали электричку, и я занял место согласно купленному билету. Жизнь налаживалась.

Довольно улыбнувшись, поерзал, умащиваясь поудобнее, вздохнул и стал смотреть в окно – на перрон, на озабоченных пассажиров, носившихся с ручной кладью. Отъезжающие и провожающие будто нарочно устроили «показательные выступления» для одного зрителя – меня.

Они то и дело роняли пакеты и сумки, тепло закутанная малышня раз за разом вырывалась у них на свободу, ковыляя прочь и восторженно смеясь. Молоденькие родительницы суетились, бабушки кудахтали встревоженно, собирая своих «птичек», «зайчиков» и прочих херувимчиков.

А я ощутил легкую печаль. Это со мной бывает.

Даже в последние недели, переполненные радостным возбуждением, мои душевные горизонты то и дело туманились, мрея серенькой меланхолией.

Не может человек быть счастливым долгое время. Мгновения счастья скоротечны, они как блики на воде в солнечный день – блеснут, уколут глаз иглистым высверком и тут же меркнут.

Я опять вздохнул, но не длинно и тоскливо, как умею, а успокоенно. Печаль преходяща, а вот недвижимость вечна. Улыбка тронула мои губы. Сегодня у меня ма-аленький праздник. Праздничек.

Ровно месяц назад я приехал на Ярославский вокзал, покинув суровый, неустроенный, экзотичный, опостылевший Дальний Восток, где провел, считай, почти всю свою жизнь. Годы и годы проползли, прошли, пролетели, а оглянешься – и вспомнить нечего. Нет, случались, конечно, приятные моменты, но они тонули в вязкой, тоскливой черноте буден.

Наверное, я бы так и не уехал, если бы не развод. Так бы и длился мучительный союз с любимой женщиной, которой я был не нужен. Никак я не сочетался с Дашиными хотениями и понятиями, вечно я ей что-то доказывал, но так ни в чем и не убедил.

Я проиграл.

Мы оба проиграли. Когда я садился на скорый поезд в Хабаровске, то не облегчение чувствовал долгожданное, не освобождение запоздалое, а опустошенность.

Я покинул единственного родного мне человека...

...На Дальний Восток, на самый край дремотной Азии, я переехал в 74-м, вместе с родителями, покинув цветущую и теплую, но бедноватую Украину.

В том самом году доктор технических наук, светило микроэлектроники Филипп Георгиевич Старос разругался с партийными органами, бросил все – и уехал во Владивосток, где возглавил отдел в тамошнем Институте автоматики и процессов управления. Старос хорошо знал моего отца, вот и слал письма, уговаривая и зазывая к себе в ИАПУ – скучно ему было без своих «старосят»¹. Папа долго колебался, не зная, на что решиться, но потом убедил себя, что в Первомайске ему ничего не светит – и подался к Тихому океану.

Помню, тем далеким летом мы встали очень рано, пяти еще не было. Шли пешком в синих, теплых сумерках, чтобы успеть на поезд «Одесса – Москва». Я тащил оттягивавший руку чемодан, смутно различая дорогу, и был преисполнен неясных надежд.

Они не оправдались. Я же не знал тогда, что переезд станет всего лишь отправным пунктом в целой череде утрат и разочарований, имя которой моя жизнь.

Уезжая, я потерял друзей. И подруг тоже – мне так и не довелось побывать в сказке под названием «Школьная любовь». На новом месте все было чужим, порой враждебным ко мне, незваному пришельцу.

---

¹ «Старосятами» называли себя сотрудники и ученики Ф. Староса.

Я вздохнул. Ох, и люблю же я понуть! Никому не пожалуюсь, главное, в себе буду держать всю эту разъедающую душу щелочь, настой исковерканной жизни. И кто же поверит, что я – редкий оптимист? А ведь так и есть! Я всегда, напекор любой действительности, истово надеялся на лучшее, верил, что все будет хорошо. А когда позитив запаздывал, выжимал его из того, что было, из негатива – хоть капельку, хоть намек на плюсик...

– Ваш билет, пожалуйста, – развеяла мысли пожилая и грустная с виду контролерша в выглаженной форменке. Доказав, что не «заяц», я вытянул ноги и нырнул обратно в поток сознания.

...И вот она – сбыча мечт. Всё, что нажил непосильным трудом, – всё это я выложил за двушку в Подмоскowie. В Щёлково.

Местечко приличное, мне нравится – и в каком-то часе езды от МКАД. Всегда хотел жить поближе к Москве – этот город мне дороже разных парижей и лондонов. В «Лондонграде» я, правда, погостить не сподобился, но на столицу Франции нагляделся вдосталь. И больше тамошнее черно-белое кино смотреть не хочу.

Поезд тронулся, я бросил взгляд на часы. 13:39. Точно по расписанию.

...В сентябре мне стукнуло шестьдесят. Именно в этом возрасте умер отец. Рак прибрал его, и я до сих пор чувствую вину, которую не искупить вовек – ведь я мог, мог вылечить

папку, но мы так редко пересекались! А когда свиделись, было уже слишком поздно – четвертая стадия. Тут никакие сверхспособности не помогут.

Отец не зря считался классным инженером и неплохо зарабатывал на новом месте, но так ничего и не скопил. И стоило тогда всё бросать? Уехать на край света «за длинным рублем», защитить докторскую – и упокоиться на заброшенном кладбище?

Иногда думаю, а не стал ли и для него ошибкой тот давний переезд? Но кто же ведает судьбу?

Может, мое возвращение «на запад», как дальневосточники зовут европейскую Россию, как раз и есть исправление житейской помарки отца? Конечно, биографию уже не перепишешь, и ушедшего не вернешь, но хоть что-то, хоть как-то, хоть краешком...

Вечер того же дня,

Московская область, Щёлково

Поход в «Пятерочку» на Зубеева занял у меня целый час. Сосиски кончились, хлеба была нехватка, ну, и к чаю чего-нибудь вкусенького душа требовала. Набив съестным пакет, бодро пошагал к своему новому ПМЖ.

После напряженной суетоки, которую задавала московская толпа, я не поспевал перестроиться на подмосковную размеренность. Тутошняя неспешность даже раздражала, щёлковцы будто следовали заповеди «Не спешите жить!».

Да и, правда, чего зря суету разводить? И я побрел экономичным шагом верблюда в Кара-Кумах. У монумента «Слава героям» свернул на Парковую. Улица мне нравилась своей провинциальностью – тихая, зеленая, застроенная в три-пять этажей. Истинное «Замкадье».

А вот и мой новый приют, новая нора для разведенного, куда можно забиться, отсидеться – или отлежаться, зализывающая раны...

Обычная «хрущевка», ничего особенного, однако не с моими капиталами претендовать на элитную жилплощадь. Вошел в подъезд, тесный, как во всех пятиэтажках, но хоть не запакощенный, не расписанный в стиле «Вовка – дурак».

Клацнул кафель. Звякнули почтовые ящики. Переложив пакет в левую руку и уже полностью войдя в щёлковский ритм, я стал неторопливо подниматься по ступеням.

К себе.

С соседями своими я еще толком не успел познакомиться, зато с Наташкой и Леночкой даже подружился. Они и до баталии давешней навевались ко мне по три раза на дню. То у них чай закончился, а в супермаркет сбегать поздно уже, то кран потек, то полка отвалилась...

Мельканье голых ног неизменно рождало во мне игривые

мысли, но я снисходительно поругивал себя, убеждая седого сатира не гоняться за юными нимфами.

Хотя какой из меня сатир? Стыдно признаться, но моей единственной девушкой была Даша, вскоре вышедшая за меня замуж. А жене своей я не изменял...

Теперь-то я свободен, а толку? Соседушки мои чуть ли не втрое моложе меня! Просто две прелестницы используют знакомого деда в корыстных целях, а дед и ведется.

Эти коварные создания даже по отчеству ко мне не обращаются – никаких «Михаилов Петровичей», только «Миша».

«Миша, привет!», «Миша, спасибо тебе огромное!».

А Миша цветет и пахнет...

Заперев за собою дверь, я испытал легкое удовлетворение, ибо впервые занимал не совместную жилплощадь. Тут пролегла моя собственная, суверенная территория, откуда меня не выгнать. Всякое бывало...

Квартирку мою я пока что скудно обставил – деньги почти закончились, а на работу в Москве еще не устроился. Все варианты рассматриваю, хотя у «предпенсионера» выбор не велик.

Думаю, папины гены тоже должны помочь – мне передавалось отцовское умение ладить с компами, «железо» его слушалось. А у меня вдобавок и память феноменальная, хоть в цирке фокусы показывай.

Если я что-то и забываю, то лишь по своему желанию, уси-

лием воли. Просто, чтобы не засорять мозг лишней информацией. Могу прочесть книгу – и запомнить ее наизусть, от корки до корки.

В работе мне это здорово помогало – я никогда не держал под рукой кучу справочников и рулоны чертежей, всё хранилось в моей голове.

– Ну, ладно, профи, – решительно сказал я самому себе, прерывая старческие рефлексии, – пора и делами заняться. Домашними!

И затеял стирку. Вещей у меня немного, я даже перестарался малость – сунул в жадный зев стиралки чуть ли не всё мое «приданое».

Повертевшись под душем, я потом долго искал, чем же мне прикрыть наготу, пока не обнаружил мятые пижамные штаны, месяц назад забытые в дорожной сумке. Подсмыкнув их, прошаркал в тапках на балкон, где сохла рубашка, постиранная с вечера. Принарядился.

Как оказалось, вовремя.

В дверь деликатно постучали, и я двинулся открывать, на ходу застегивая рубашку.

– Да-да!

Нарисовалась Наташа Томина. Грива каштановых волос, подсвеченная яркой лампой с площадки, заиграла медью и золотом. Ослепительно улыбнувшись, девушка спросила:

– Можно?

– Вам можно все, – ответил бархатным голосом.

Томина вошла, обиженно выпячивая нижнюю губку.

– Опять на «вы»?

– Больше не буду! – покаялся я, одновременно пробегая глазами по ладной девичьей фигурке, которую короткий халатик скрывал весьма посредственно.

– Ну, ла-адно, – важно протянула Наташа. – Я пришла знаешь зачем?

– Не-а.

– Хочу пригласить тебя в гости! – выпалила Томина.

Я закрихтел, проводя ладонями по неглаженной рубашке.

– Боюсь, мой костюм не совсем подходит для визитов...

– Да мы по-домашнему, в дезабилье! – замахала Наташа руками. – Чайку попьем, поболтаем.

– А с меня тогда что? – спросил я, взбодрившись.

– А я у тебя вчера бутылку тоника видела... – затянула девушка.

– «Швепс»?

– Ага! У нас еще «Чинзано» осталось немного, с прошлого раза, а мы его чистым не пьем – с тоником вкуснее.

– Принесу обязательно, – твердо пообещал я.

– Так пойдем!

– Сейчас? – замешкался я.

– А чего ждать? Время идет, молодость проходит! – рассмеялась Наталья.

– Ну, вам... м-м... тебе еще рано об этом сокрушаться.

– Ты умеешь говорить комплименты, – улыбнулась девуш-

ка.

– Комплимент – это когда восхищаешься стройностью толстушки, – парирую я. – Мне куда приятней говорить правду. Скажешь красивой девушке, что она хороша – и самому приятно, и красавишне. Сейчас я захвачу тоник.

Достав пластиковую бутылку из холодильника, отправился в гости, чувствуя суетливость в мыслях. Да и трудно ожидать от человека постного смирения, когда чуть впереди цокают каблучки, а круглая попка вся такая вёрткая...

– Как Лена? – спросил я, чтобы отвлечься.

– А всё уже! – оживленно ответила Томина. – Горло не болит, и вообще... Только синяки не сошли еще.

– Это скоро пройдет.

Наташа пропустила меня в прихожую и крикнула:

– Ленка, мы пришли!

У девушек было чистенько, опрятно – и уютно. Никаких особых ухищрений – просто цветок на подоконнике, картина на стене, оригинальный половичок – и местожительство превратилось в дом, куда тянет вернуться.

Лена Рожкова вышла нас встречать. Она тоже упаковалась в цветастый халатик, только не такой, как у Наташи, застегнутый на пуговицы, а в запашной, туго перетянутый поясом. Девушка ласково улыбнулась мне и отобрала бутылку с тоником.

– Прошу к столу! Сегодня мы будем праздновать... – начала Лена, тут же напуская таинственности: – Ну-у... Наташ-

ка в курсе, а тебе я потом скажу.

– Заинтригован, – сказал я, проходя в комнату.

Девчонки особо не мудрили, да и средств на кулинарные изыски у них точно не было. Так, сварганили шарлотку да нарезали колбаски, сырку, даже на ветчинку разорились. И еще баночку корнишонов откупорили.

– Чем богаты! – пропела Наташа, торжественно выстав-
ляя на стол ополовиненный сосуд с цветастой наклейкой
«Cinzano». – Твой ход, Миша.

Я кивнул и разлил розовый вермут по рюмкам – все три представляли разные сервизы.

– Вот в наше время... – проговорил, подражая аксакалам,
окупирующим лавочку у подъезда. – В восемьдесят втором
я такую бутылку случайно купил – ресторан торговал навы-
нос.

– И почему? – заинтересованно спросила Лена.

– Девять рублей за литровую.

– Ты скучаешь по тем временам?

Я пристально посмотрел на Рожкову. Мне почудилось,
что девушка задала свой вопрос не в порядке застольного
трёпа. Она даже немного нервничала.

– Скучаю?... – пробормотал, раздумывая, и решил гово-
рить, как есть. – Дело не в ностальгии, Леночка. Понимаешь,
я родился и вырос в великой стране, и когда всякие лишен-
цы развалили ее, я будто стал эмигрантом против своей во-
ли. Российская Федерация – это сильно обгрызенный Совет-

ский Союз, в котором почти не осталось ничего советского. У меня отняли очень и очень многое – красный пионерский галстук и комсомольский значок, Ленинград и Калинин, обращение «товарищ» и уставную фразу «Служу Советскому Союзу!», милицию и КГБ... Да что толку перечислять? Мне стало очень неуютно, некомфортно, когда СССР распался, и такое состояние держится во мне до сих пор. Я не успокоюсь, пока эта страна снова не станет Союзом – Российским или Евразийским, не суть важно.

– А я читала, что в СССР был тотальный дефицит, – острожно сказала Наташа, – и что не разрешалось просто, вот так вот, взять и выехать за границу...

– Верно, – кивком согласился я. – Как правда и то, что Советскому Союзу из-за всех сил мешали расти, все время вели войну против нас, да и внутри СССР хватало вражьи, начиная с пленумов ЦК КПСС и кончая посиделками творческой интеллигенции. Слишком много было наделано глупостей, допущено ошибок... Вместо того чтобы реально развивать строй, увлекались софистикой – то у нас «развитый» был социализм, то «развитой». Ой, да ну их всех!

– А давайте выпьем за СССР! – предложила Лена внезапно.

– Не чокаясь? – криво усмехнулся я.

– Чокаясь, чокаясь! Наливай.

Я плеснул в рюмки тоник, щедро разбавив вино.

– Ну, поехали! – произнес универсальный тост.

Рюмки клацнули, озвучивая единодушие. Хорошо пошло!

Так мы втроем и уговорили бутылочку. Девушки разругались, глазищи заблестели, да и я ощутил легкий налет хмеля. Было приятно вдвойне – влечение ведь тоже не оставляло меня. Первый раз за столько лет оказаться в компании двух студенток, спортсменок и пусть не комсомолок, но красоток – тут кому угодно голову закружит!

Мы болтали обо всем и ни о чем, живя ощущениями, как во всякой молодежной компании, а пока грелся старый, чуток мятый чайник, Рожкова объявила танцы.

– Я сама, я сама! – заспешила Наташа и осторожно, держась пальчиками за края, вынула из конверта грампластинку.

Торжественно водрузила «винил» на вертушку, бережно опустила звукозаписывающую...

Легчайшее шипение с потрескиванием донеслось из динамиков, а потом сочно, чувственно зазвучал саксофон, выдувая нечто плавное и завораживающее.

Я не сразу заметил, как рядом оказалась Лена, как приблизилась, властно вторгаясь в мое личное пространство.

Наверное, «Чинзано» дурно влиял на хваленую память – не помню, хоть тресни, кто из нас осмелился на первый шаг, на первое движение. Девушка положила мне ладони на плечи или я своими пятернями сжал ее узенькую талию? Да и какая разница?

Вся та система укреплений, что я старательно выстраивал вокруг себя, крепя оборону против ближних, рушилась, рассыпалась, уносилась сквознячком в форточку. Комната кружилась вокруг нас, а я смотрел в Леночкины глаза и чувствовал, как под моими руками изгибается тонкий стан.

Рожкова то хлопала на меня ресницами, то опускала веки. Именно в эти моменты я жадно рассматривал девичье лицо – лоб, который пока что трудно было наморщить, маленький прямой нос, полные губы, аккуратные ушки. Любая гримаска у Лены выходила изящной, а смех можно было записывать на диск и продавать: слушаешь – и тонус поднимается.

В эти приятные мгновенья я очень четко ощущал девушку. Не всегда это у меня получалось, но порой я верно улавливал психосущность человека – узнавал его характер, склонности, настрой. Наверное, это умение как-то пересекалось с моим целительством – я же не вижу «пациента» насквозь, не просвечиваю его как рентгеном. Просто ощущаю в чужом нутре какую-то неправильность. Накладываю руки – и сразу понятно делается, что там не в порядке.

Так и с душой человеческой. Хотя и редко, но мне удавалось поставить точный диагноз: жадность, черствость, себялюбие.

А вот мои нечаянные подружки оказались совершенно здоровы. Обе испытывали ко мне не только благодарность, но и симпатию. Может, даже нечто большее, чем приязнь, но тут я талантливо увиливал от желанных предположений...

Правда, в Рожковой чувствовались тревога и печаль. А потом я ощутил в девушке позыв к раскаянью.

– Тебя что-то беспокоит. – Я легонько притянул Лену к себе. – Что? Ты боишься Грицая? Не надо его бояться. Если до него еще не дошло, я проведу с ним воспитательную работу!

Девушка вздохнула, словно испытывая затруднение.

– Я не боюсь. Просто...

– Расскажи ему, – подала голос Наташа. Она сидела на стуле и развлекалась тем, что болтала ногами, стараясь удерживать шлепанцы на кончиках пальцев.

– Боюсь...

– Чистосердечное признание облегчит твою вину, – бодро пошутил я.

– В общем... – промямлила Рожкова, рассеянно поглаживая мои плечи. – Понимаешь...

– Мы из будущего! – решительно заявила Томина, поджимая ноги. – Обе! Нас специально послали в это время, чтобы встретиться с тобой.

– Со мной? – Я откровенно «туплю». Такое впечатление, что мой солидный Ай-Кью полностью обнулится.

– Наш институт долго искал такого, как ты, – попыталась объяснить Лена.

– Какого – такого? – я продолжаю «плыть», как боксер после хорошего нокдауна.

– Целителя! – раскинула руки Томина. Верхняя пуговка у

нее расстегнулась, открывая ложбинку между грудей. – Чтобы ты смог отправиться в 1974 год, войти в доверие к членам ЦК КПСС – они ж там все старые и больные! – и как-то воздействовать на них, побуждать, подталкивать к правильному выбору! Сам знаешь, у пациента возникают особые отношения с врачом, когда происходит исцеление, а вместо болей и недомоганий ощущаешь здоровье. Советская эпоха – самая великая в истории России, и ей нельзя было кончаться! Ну никак!

Я вдруг поверил.

– А почему именно в том году? – спросил, лишь бы спросить, потому как с трудом улавливал смысл сказанного. Все настолько выбивалось из повседневной плоскости, что, чудилось, мир качался в опасной прецессии, выходя из равновесия, как плохо раскрученная юла.

– Чем позже, тем сложнее будет начать перестройку, – сказала Наташа назидательно. – Кстати, этот термин придумал Андропов, а вовсе не Горбачев.

Немного задержавшись с вопросом, я все-таки задал его:

– И... как я туда попаду? На машине времени?

В эти тягучие мгновенья я будто раздвоился; одна моя половинка орала: «Наконец-то! Ура! Сбыча мечт!», а другая нудила, требуя карты на стол, да все присматривалась подозрительно, прислушивалась, принюхивалась... Сердце тархтело, а в голове полный кавардак.

– Машина времени? – попыталась наморщить лоб Томи-

на, но складочек не вышло. – Так только журналисты говорят!

– Тут все засекречено, – вмешалась Рожкова. – Единственное, что мы тебе можем рассказать – это... В общем, человек может переместиться из одного времени в другое, но проживет там три-четыре секунды максимум, после чего перейдет в доквантовое состояние – от эманации хронокорпускул распадется любой иновременной объект.

– А вы тогда как тут объявились? – прищурился я.

– А это не мы... – посмурнела Наташа.

– В смысле – не вы? – нахмурился я, не сводя глаз с волнующего выреза на халатике.

– Ну-у... – тянет Томина. – Сначала в это время запустили несколько темпоральных спутников, целую серию. Они тут все разведали, а уже потом переместилась капсула с нами...

– Капсула вышла из субвремени неподалеку от этого дома, в скверике, где на лавочке сидели две девушки-студентки, Алла и Ксения. Они стали нашими реципиентками... – подхватила эстафету Лена. – Кстати, ты сейчас палишься вовсе не на Наташу, а на Аллу Вишневскую.

Я опять зависаю. Самое поразительное заключалось в том, что я ни секундочки не сомневался в правдивости девчонок. Меня обмануть нельзя, я сразу почувствую ложь. Но то, чему приходилось внимать, выглядело невообразимым – просто запредельно.

– Да-а... – нарочито уныло сказала Томина, поправляя ха-

латик, чтобы мне лучше было видно. — У меня они побольше...

— Да ты вообще дылдой была! — фыркнула Лена.

— Была...

— Это... как? — выдавил я.

— Ментальный перенос! — охотно разъяснила Наташа. — Когда капсула раскрылась, сработал транслятор и скачал мое сознание в тело Аллы, а Ленкино — в Ксению.

— Страшно так... — передернула плечами Лена. — Прямо жутко! Я закричала, а потом замерцало что-то перед глазами — и я увидела себя, пищавшую от испуга. А потом и я, и Наташка, и капсула — всё осыпалось пылью...

Медленно переваривая трудно представимую информацию, выговорил:

— И в кого же... переселюсь я?

— В себя! — быстро сказала Лена. — В юного, смазливового мальчишечку — Мишу Гарина. Тем летом тебе сколько было? Шестнадцать?

— Почти, — растерянно проговорил я. — У меня день рождения тридцатого сентября...

Надвигалось что-то неумолимое и грозное, разом пугающее и влекущее. Среди моих многочисленных мечтаний всегда выделялись два. Я очень-преочень, как внучка говорила, хотел исправить допущенные мною огрехи, стыдные, срамные, вспоминая о которых морщишься даже десятилетия спустя. Вернуться в прошлое — и проделать «работу над

ошибками»!

И жило во мне еще одно чаяние, с каждым годом все более сильное – как-то повлиять на историю, как угодно, лишь бы вытянуть страну из либерального, мещанского, жвачного болота, вывернуть с обочины обратно на «путь к коммунизму».

И тут приходят две девчонки и говорят: а давай спасем СССР! Давай не будем доводить до «застоя»! Не допустим, чтобы лилипуты-демократишки, все эти горбачевы-ельцины-собчаки-гайдары, запутали великана – советский народ!

И вот по Ленкиному велению, по Наташкиному хотению...

Исполнятся оба моих желания.

Казалось бы, радоваться впору, вопить «ура» и скакать, как майданутый, но нет – страх стреноживает. Это ж какую махину надо развернуть...

– И когда мне... туда? – выдавил я.

– Сегодня, – сказала Лена стеклянным голосом и посмотрела на часы, тикающие на стене. – Наташка уже послала вызов... Помнишь, она позавчера с буком вышла? Вот тогда. Ровно через четыре часа материализуется капсула из Института Времени. Ты займешь в ней место – и окажешься в августе 74-го. Двадцать девятое число. Помнишь?

– Да, – киваю я замедленно. – Я тогда вернулся с ударной комсомольской – боец стройотряда «Вымпел». В нем когда-то папа вкалывал... Это случится прямо на улице?

– Нет-нет! – заспешила Рожкова. – Уже в подъезде твоего дома, на лестничной площадке. Сосчитаешь до четырех, и... И всё...

Голос у Лены стал повыше, и она заплакала.

– Не плачь, – всполошился я. – Ты чего, Леночка?

– Я не хочу, чтобы ты уходил! – с надрывом сказала Рожкова. – Не хочу! Я хочу быть с тобой!

Она приткнулась ко мне, продолжая хлюпать, а я успокаивал ее и гладил по спинке. Признаться, испытывая стыд, потому как мне было хорошо.

Наташа смотрела на нас и улыбалась. Потом расстегнула сразу две пуговики, зараза, и приняла задумчивый вид.

– Всё, всё... – проговорила Лена, быстро вытирая слезы ладонью. – Просто обидно стало: встретились – и сразу расстаемся! А я, дура, столько времени потеряла зря... – Рожкова судорожно вздохнула, как дитя после долгого плача. – Я сейчас приму душик, приведу себя в порядок, и мы с тобой обсудим план действий на будущее.

– На прошлое! – хихикнула Наташа.

Четверг, 22 октября 2018 года,

первый час ночи.

Щёлково, улица Парковая

Ровно в полночь посреди комнаты распух светящийся шар, переливавшийся сиреневым, и растаял, явив некий хитроумный параллелепипед, сложенный из множества фигур, как кубик Рубика.

Наташка тут же деловито разложила «кубик», как трансформер, на панели и консоли пульта. Уселась перед ним на стул, длинные тонкие пальцы запорхали по клавишам да прочим сенсорам. Пульт отозвался вереницами огоньков, вспыхивавшими экранами и разноголосыми писканиями.

Я нервно сглотнул. Почему-то все попаданцы, возвращаясь в молодость или вообще в детство, плющатся от радости. А разве прошлое, став вдруг настоящим, не грузит, не напрягает?

Вот каково мне будет встретить отца, живого и здорового? Мне, хоронившему его, слышавшему глухие удары земли о гроб, когда удалые, вечно пьяные могильщики энергично

работали лопатами?

Правда, батя никогда не снился мне мертвым, только живым. Ото всех этих дурацких страшилок насчет покойников в сновидениях меня передергивает – кто думает обо всей этой ерунде, тот и видит ее по ночам. Приятных им снов – с зомби в главных ролях.

С матерью, слава богу, все в порядке, она жива и здорова – там, в покинутом Владивостоке. Поселилась вместе с моей сестрой, и мы в основном перезваниваемся, видимся очень редко. Как-то, вот, разошлись по жизни, а в 74-м маме всего тридцать пять, и все еще можно поправить. Покачал головой в такт рваным мыслям:

«Удивительно... Когда меня призвали „в ряды“, я скушал по своим – и по папе с мамой, и даже по Насте, а потом... Нет, привязанность не сменилась отчужденностью, но и дружбы особой не осталось. Да и было ли чему оставаться?...»

Я вовсе не зря сказал, что Даша – единственный человек, родной для меня. Как-то вот распался наш гаринский «клан». Или я просто перенес понятие «семья» на нас с Дашей, а остальных вытеснил на обочину сознания?

Думы постепенно замедляли свое кружение. Я смотрел на Томину, переводил взгляд на Рожкову – любовался на прощание.

22 октября 2018 года полностью переворачивало всю мою жизнь, оканчивало ее здесь – и начинало с чистого листа там,

в туманном прошлом. Я верил – и не верил, надеялся – и падал духом, принимая девичью затею за наваждение.

– Всё помнишь? – спросила Лена, перебирая распечатки – точечная информация по 1974-му, совершенно секретная тогда, а ныне взятая в открытом доступе.

Отмирая, повернулся к ней:

– Я ничего не забываю.

– Может, ты еще вернешься... – с надеждой пробормотала Рожкова. – В этот самый день, только часиков в десять-одиннадцать... М-м? Наташка говорила тебе про наш юбилей? Сегодня ровно пятьдесят дней, как мы здесь, а раньше нас не было. И этот дом... Он старый, его еще в 68-м построили. Когда изменится будущее, дом так и будет стоять здесь...

– Обязательно загляну, – пообещал я.

Лена грустно вздохнула.

– Забудешь... Я же знаю, что ты сделаешь в 82-м году – поедешь знакомиться со своей Дашей...

– Я ничего не забываю, Лена, – серьезно сказал я. – И не забуду – ни Дашу, ни тебя, ни Наташу.

Рожкова тихонько всхлипнула и потянулась ко мне губами.

– Хватит лизаться, – сказала Томина с дурашливым осуждением. – Готовность раз!

– Да мы только начали!

Леночка целовалась самозабвенно, а тут и Наташка подоспела, и я от их гладких ручек почувствовал легкий туман

в голове. В этот момент донесся сигнал с ноутбука, а пульт-трансформер стал оплывать, проседать, как сугроб весною. Тяжелыми клубами вспухла тускло-серебристая пыльца и словно растворилась в воздухе, оставив по себе нездешний запах едкой горечи.

– Пора! – выдохнула Лена.

Я замер неуверенно, и в то же мгновение посреди комнаты соткался тускло сияющий сиреневый шар. Он почти касался стен переливчатыми боками, отбрасывая на потолок шатающиеся тени, а когда трепещущий свет утух, над полом осталась висеть прозрачная сфера с большим креслом и пультиком внутри. Перепонка люка лопнула, расходясь, как диафрагма, и я непослушными ногами двинулся к Т-капсуле. Шел будто под водой, преодолевая сопротивление страхов, комплексов, сомнений.

Капсула продолжала висеть и даже не качнулась, не просела ничуть, когда я взгромоздил свои девяносто кило на мягкость сиденья. Перепонка тут же заросла, отрезая звуки.

Гляжу в крайний раз на Рожкову, изо всех сил улыбавшуюся мне сквозь слезы, на Томину, махавшую рукой, – и все пропадает.

На сорок четыре года.

Глава 2

Четверг, 29 августа 1974 года, вечер.

Первомайск, улица Дзержинского

Капсула проявилась прямо над лестничной площадкой, выложенной дешевой керамической плиткой, рядом с узенькими дверцами лифта. Меня царапнуло глупое беспокойство – а вдруг соседи выглянут? Но свидетелем моего переноса в прошлое оказался всего один человек – я сам, только в отрочестве.

Юнец стоял на ступеньках – в потертой «целинке», прожаренный солнцем, короткие русые волосы выгорели до цвета соломы, пальцы сжимают рюкзачок, похожий на торбу...

«Миша Гарин сияет от счастья и пыжится от гордости – он два месяца подряд „пахал“ со стройотрядовцами, заработав пятьсот рублей! Миша окреп, закалился – и везет подарки своим родным... Вот только маму обнять он постесняется, дурачок, а чтоб сестренку чмокнуть... Да ему такое даже в голову не придет! О, смотрит на дядьку в пузыре – и ни бумбум...»

Все эти мысли проносились в моей бедной голове, как заполошные птицы, влетевшие в комнату и не знающие, как им выбраться из ловушки, а на счет «четыре» весь видимый мир заколыхался, исчезая, забрезжил в стробоскопическом мельтешенье.

Меня охватил томительный страх, как во сне, когда мучительно долго падаешь, и вдруг зрение вернулось, делаясь куда более четким. Я увидел себя – потрепанного жизнью мужика в возрасте, бледного, заключенного в бликующую сферу, а в следующее мгновение и Михаил Петрович Гарин, и Т-капсула поплыли, расплзаясь на пиксели, сеясь серой искрящейся пылью.

– Мир праху моему, – шепчу я, не узнавая собственный голос.

Я оглядел себя, примечая стрелки на брюках, наведенные неизвестным на Западе способом – укладкой штанов под матрас на откидной полке, – и стоптанные финские туфли. Помню, мама очень гордилась, что смогла их достать. Вытянул руки, повертел перед глазами, зачем-то дотянулся указательным пальцем до носа, облизал губы – и ощутил легкую дурноту. Меня не стало.

Меня, чей шестидесятилетний юбилей я отметил совсем недавно, больше нет! Теперь я мальчишка...

Двигаясь «на автомате», одолеваю последние ступени и останавливаюсь под дверью – полузнакомой, отделанной ла-

кированным, уже потертым деревом, с двумя бронзовыми циферками – «55». Наша квартира. С нее начинается родина...

Пустота и звон занимали голову, лишь то и дело всплывала дурацкая кричалка одного модного парикмахера: «Звезда в шоке!»

Легко было мечтать, представляя, как ты возвращаешься в детство, да еще с полным набором опыта и знаний, накопленных за долгую жизнь! А в реале дрожь пробирает, колотит всего, прямо...

Подняв руку, я замер, держа палец у кнопки звонка, сглотнул всухую и нажал.

– Я открою! – глухо, едва слышно донесся Настин голос. Улыбка будто сама по себе раздвинула мои губы. Сейчас... то есть в будущем, моя сестра – худосочная дама в возрасте, а тут...

Замок щелкает, дверь приоткрывается – и распахивается настежь. На пороге стоит сестренка – вытянувшаяся за лето, стройная и очень миленькая.

– Мишка приехал! – радостно запищала Настя.

Порываясь кинуться ко мне, но не решаясь, она заняла руки тем, что захлопала в ладоши. А я обнимаю Настьку и целую, замечая мельком, как ее глаза распахиваются в глубочайшем изумлении.

Не выдержав, девчонка заплакала. Улыбалась мне, кивала, гладила по «целинке» ладошками, а слезы так и катились

по щекам. Я чмокнул сестричку прицельно – в ее вздрагивавшие губки и сказал:

– Привет, Настенька!

– Привет... – улыбаясь смущенно, сестричка вытерла ладонью глаза.

Торопливо зашаркали тапки. В прихожую вышла мама.

– Мишечка вернулся! – всплеснула она руками.

– Привет! – говорю и обнимаю ее.

Поразительно... Моя мама – молодая и красивая женщина. Натуральная блондинка, и очень даже ничего. Настя в нее пошла – ей четырнадцать нет, а маечку будто два апельсина оттягивают...

– А папа где? – спросил я, позволяя себя тискать и тормошить.

– Скоро должен прийти, у него ж банный день сегодня!

Мамулька снова ласково прижала меня к переднику, а я притянул к себе Настю. Я вас приучу к родственным отношениям...

Скинув туфли, прошествовал в комнату, сопровождаемый мамой и сестрой – они держали меня за руки, словно вели под конвоем.

– Вырос как... – умилялась мама. – Совсем большой стал...

А я чувствовал ошеломление и странную робость – чудилось, топну сильнее или крикну, и все вокруг рассеется, как пленительный мираж. Оглушенный реальностью, я огляды-

вался, будто в первый раз. Всё, как тогда...

Золотистые шторы и диван, застеленный расшитой кошмой – папа ее из Монголии привез. Почти антикварная этажерка с фигурными столбиками, забитая книгами «про шпионов», – дедушкина коллекция. Любимая мамина игрушка – румынский гарнитур. Большая картина в простенькой раме, изображавшая берег пруда, угол избышки в тени зарослей и пару коров, забредших в воду. Может, и не шедевр, зато подлинник.

А вот бабушкин комод – монументальный постамент для цветного телевизора «Радуга-703», единственного в нашем доме. Помню, как мальчишки во дворе задавали мне один и тот же вопрос: «Это правда, что у вас телик разными цветами показывает?», а соседи со всего подъезда ходили к нам концерты смотреть или парады. Товарищи...

– Ну, как ты? – спросила мама заботливо. – Сильно устал? Не заездили там тебя? Не обижали?

– Да нормально все, – заверил я ее и полез в левый карман. Помнил, что нарочно отложил туда двести рублей. – Вот! Мой скромный вклад.

– Ого! – воскликнула Настя.

Разумеется, мама снова меня обняла и поцеловала, но я был не против.

– Мам, у меня еще триста рублей осталось. Хочу к школе брюки хорошие купить, туфли там... Можно я в Одессу съезжу?

– Работничек ты мой! – проворковала мама, умиляясь своей житейской состоятельности. – Конечно, съезди! Сюда-то как добрался?

– Да нормально... Мы в Москве пересадку делали. На Курском взял билет до Харькова, а оттуда на Помошную².

Успокоенный насчет поездки, я торжественно выложил килограмма три московских конфет, вызвав буйный восторг Насти, достал блок лезвий «Жиллет» за десять рублей – и преподнес матери флакончик духов «Мадам Роша».

– Это тебе. С днем рождения!

– О-о! – восхитилась мама, приняухиваясь. – Настоящие французские! А мы тебя так ждали! Думали, что как раз успеешь...

– Да я б успел, но не бросать же всех, не по-людски как-то.

– Ну да... Ну да...

Мама смочила палец в капельке парфюма и провела по шее.

– Шармант!³ – ухмыльнулась Настя.

– Что б вы понимали в роскоши, мадмуазель, – надменно сказала мама и тут же сменила тон: – Ты, наверное, голодный?

– Потерплю, – махнул я рукой. – Папу лучше дождусь.

– Ну, ладно, Мишечка, отдыхай! – оживленная и радост-

---

² Помошная – маленькая станция, от которой час пути на автобусе до Первомайска, Николаевской области.

³ Искaj. *charmant* (фр.) – очаровательно.

ная, мама растрепала мне волосы и удалилась на кухню.

– А у нас котлеты на ужин! – радостно доложила Настя.

– С толченкой! – донесся мамин голос.

– И с огурчиками! – продолжала искушать сестричка. – Малосольными!

– Хочешь, чтобы я слюной захлебнулся, да?

Хохоча, Настя ускакала к матери, а я подхватил рюкзачок и поплелся в свою комнату. Устал. Да и перенервничал.

Почти весь пол в моей «берлоге» укрывал самодельный ковер – огромное соцветие роз на черном фоне. Говорят, его наша родственница ткала, баба Феня.

У стены стояло ложе – старый диван. Тоже, кстати, ручной работы – дядя Вова собрал его, когда мне было лет пять...

Я, как кот, обнюхивался, заново привыкая к полузабытому житию, перепутанному в моих снах. Нужно, чтобы «тихо пришли в равновесье зыбкого сердца весы»...

Подойдя к столу, перебрал стопку новеньких учебников для 9-го класса, пахнувших типографской краской, выглянул в окно. Всё то же самое, как помнилось – широкая улица, обсаженная тополями, редкие машины, двухэтажный гастроном на углу.

На подоконнике лежала моя тогдашняя (теперешняя!) гордость – фирменная сумка «Эр Франс». В нее я кидал полотенце и плавки, когда ходил в секцию. Молодец, верно рассудил, что вырабатывать «треугольную» фигуру пловца, широкоплечего и узкобедрого красавца – это «самое то» для

нескладного подростка. Ну, в плечах я пока что не широко раздался, но мясцом оброс. Хотя понятие «мускулистый» к моему телу подходило не слишком, а вот «жилистый» – это про меня.

Вспомнил, каким сам себя увидел на площадке. Уши более-менее нормальные и нос, только губы подкачали – пухлые. Девчонкам, может, и нравятся, так ведь никакой суровости с брутальностью.

«Зато линия подбородка жесткая, – повысил я самооценку, – и взгляд твердый!»

Над организмом еще работать и работать – худой он у меня слишком, да и слабоват. Ну, бассейн я пропускать не намерен, сделаю себя. А вот во что этот организм упаковать...

«Да, надо будет серьезно подумать над образом, чтобы стать иконой стиля», – усмехнулся я.

Стилягой никогда не был и не буду, но и к тому, что висело... м-м... что висит в магазинах «Одежда», у меня стойкая аллергия. Девчонкам хорошо, коричневые школьные платья с фартуками их только красят. Да и традиция неплоха – в такой же форме еще гимназистки ходили до революции, только в «макси», а ныне, слава моде, в ходу «мини» до середины бедра. Есть на что посмотреть со вкусом...

А каково ученикам приходится? Явиться в класс в кургузом синем пиджачке с идиотскими пуговицами, штампованными из алюминки... Бр-р! Комплекс неполноценности гарантирован.

В Первомайске приличных тряпок не купишь, разве что по блату. Одна надежда на одесских фарцовщиков – эти всё, что хочешь, достанут, успевай только наличные отсчитывать...

Стащив с себя стройотрядовскую курточку, я подержал ее на вытянутых руках, любуясь, как адмирал кителем. Вон на рукаве ма-аленькая дырочка – ее искра прожгла. Мы собирались вокруг костра после тяжелой смены, пели под гитару, пекли картошку, болтали обо всем на свете, подбрасывали в огонь пихтовые ветки, чтобы дымом отгонять комаров. Искры, виясь, уносились к небу, путаясь с мерцающими звездами, звенели струны, а вокруг сдержанно шумела тайга, будто подпевая... Классика!

В тот самый вечер меня впервые в жизни поцеловала девушка. Марина была выше меня – стройная, длинноногая второкурсница из ХАДИ⁴. Девушка шутила поначалу: «Губки у тебя – не промахнешься!», а потом увлеклась процессом. Вот только когда я попробовал ее приобнять, она мягко отвела мою руку. Сказала: «Я на два года тебя старше...»

Вдруг я взволновался, перескочив на мысли о другой Марине. Воспоминания нахлынули, будоража и жаля. Это случилось тридцать первого августа – послезавтра!

С ума сойти...

То, что должно произойти вскоре, уже было со мной, только в прошлой, как бы первой моей жизни. Я тогда, как и сей-

---

⁴ Харьковский автодорожный институт.

час, отпросился у матери и прикатил в Одессу, точнее, в ее пригород Бугаёвку, за обновками. И встретил на тамошнем рынке удивительную девушку.

Помню всё, до последней мелочи: подъехал неприметный «жигуленок», из него вышли двое крепких мужчин и она, сразу же завладевшая всем моим вниманием.

Девушка выглядела очень спокойной, почти безмятежной, но причиной тому служила не легкомысленность юности, а внутренняя уверенность и тренированная воля.

Подтянутая, стройная, длинноногая, с небольшой, но высокой грудью, незнакомка была гибка и грациозна – чувствовалась давняя дружба со спортом.

Она, похоже, почти не пользовалась косметикой, но ее чистое лицо и без макияжа впечатляло яркостью: черные глаза, брови вразлет – и яркие от природы губы. Если оценивать строго, то ее слегка портил большеватый, с едва заметной горбинкой нос, зато он придавал девушке некую пикантность, изящную индивидуальность, рисуя в воображении образ индианки-скво. Это впечатление дополняли иссиня-черные волосы, собранные в длинный хвост, и натуральная смуглинка.

«Скво» неторопливо оглянулась, я на мгновение поймал ее внимательный взгляд. Нет, он не был адресован мне, просто в незнакомке сработала давняя привычка посматривать вокруг.

Один из мужчин окликнул девушку: «Марина!», но она

спокойно проигнорировала зов. Тогда он, сердясь и повышая голос, обратился к ней по званию: «Товарищ старший лейтенант!»

«Скво» хлестнула его негодующим взглядом...

«Ничего себе, – подумал я тогда, – какие барышни бывают!»

Впал в уныние («Пр-роклый возраст!») и поплелся делать покупки. Четверти часа не прошло, как раздался пугающий треск выстрелов – трое качков в красно-белой спортивной форме палили по какому-то кавказцу рядом с бардовой «Волгой».

Паника на толчке не поднялась – никто просто ничего не понял. Стрельба прекратилась так же быстро, как и началась, набежали ловкие парни в штатском – и унесли Марину...

Она погибла возле той самой «Волги» – застрелила одного из «спортсменов», другого ранила, но и сама заработала пулю, прошившую бедро навывлет. «Скво» умерла от большой потери крови.

Все эти подробности я узнал много лет спустя, из интернета, а тогда... Тогда я впервые ощутил непереносимую боль и горечь утраты. И огромную, неснимаемую вину. Ведь я мог, мог ее спасти!

Да, я ничего не знал и даже понятия не имел, что происходит, но все эти доводы разума душа не принимала. Долгие годы тогдашний мой промах мучил меня, не давал покоя, а Марина снилась по ночам – веселая или грустная, молчали-

вая или щебечущая о своем, девичьем, но всегда живая...

Я нервно-зябко потер ладони. Еще там, в 2018-м, когда Леночка назвала дату моего прибытия в прошлое, я даже дышать перестал – мне давали шанс исправить старую житейскую пометку, совестью возведенную в степень тяжкого греха!

Да, да, я ни в чем не виноват, но лучше все-таки спасу Марину – и тогда мои личные небеса навсегда останутся ясными!

Тут меня пронзил острый испуг: вдруг только сознание мое и переместилось в мальчишескую голову, а все тайные способности остались в будущем или перешли в «доквантовое состояние», вместе с моим «старым» организмом?

«Глупости какие, – рассердился я, – ты же с детства врачуешь!»

Ну, а вдруг?..

Суетливо, стыдясь самого себя, полез в рюкзачок – там у меня, в кармашке, лежит складной нож, без него никуда. Ни консерву вскрыть, ни хлеба отрезать, ни колышек обстругать, чтобы котелок вешать над костром.

Разложив ножик, оглядываюсь на дверь и полосую по предплечью лезвием. Засочилась кровь – я тотчас же зажимаю порез пальцем.

Больно! Усилием воли отключаю неприятные ощущения. С бьющимся сердцем отнимаю палец от ноющей ранки...

Ф-фу-у! Кровь не шла, а надрез затягивался тонюсень-

кой розовой пленочкой. Нормально! Заживление шло даже быстрее, чем я привык, но это как раз понятно – молодость, да еще ранняя, имеет свои преимущества. Ну и ладно, хоть с этим все «океюшки».

Я вздохнул и плюхнулся на скрипнувший диван. Лишь теперь во мне словно пробку вынули, как из бутылки с шампанским – ослепительная радость переполнила меня, запенилась, заиграла. Ура-а!

Я молод! Я здоров! И все помню! Все мои знания, весь мой опыт, «сын ошибок трудных» – всё это богатство крепко сидит в моей голове, волосы на которой начнут редеть еще очень не скоро.

«Чего тебе надо, балда? – выговариваю я себе. – Что ты хмуришь брови и опускаешь плечи под гнетом проблем? Да тебе всего пятнадцать лет и одиннадцать месяцев! Понимаешь, ты, чучело иновременное? Пятнадцать!»

Я тихо рассмеялся и вскочил с дивана. Нечего высиживать! Даешь новую жизнь! USSR, FOREVER!

Из прихожей долетел громкий голос Насти, она с кем-то болтала по телефону. Услыхав: «Да, приехал! Ага!», я фыркнул – включилось «сарафанное радио»!

Переодевшись в мягкие трикушники и подцепив пальцами ног поношенные тапки, расслабленно отправился в ванную. На стройке мы каждый день коллективно мылись в душевой, сколоченной из досок, а раз в неделю парились в бане, но все эти прелести жизни не сравнятся с единоличным

погружением в горячую воду, когда она с шумом брызжет о бортик ванны и медленно поднимается, затапливая твоё тело, отбирая у него вес. Рела-акс...

Критически оглядев себя в зеркале, усмехнулся – снизу и сверху загорел, а посередке – «всех румяней и белее». Шлепнул по животу – «кубиков» пока не видать, но хоть плоский...

Искупавшись, обтеревшись до скрипа, я помыл ванну, заодно обсыхая, после чего оделся.

Вовремя. Клацнул замок, и сразу послышался папин голос:

– А чьи это? Так-так-так! В семье пополнение!

– Это Мишенька вернулся! – похвасталась Настя.

Я улыбнулся с нежностью. Наверное, впервые в жизни сестренка назвала меня Мишенькой.

Собравшись с духом, покидаю совмещенный санузел, предстаю перед отцом – и не понять, то ли после ванной озноб пробирает, то ли это нервное. Папа смотрел на меня, склонив голову к плечу, и улыбался. Я отвык видеть его таким – молодым, здоровым, в самом расцвете сил. Отец весьма фотогеничен, а когда надевает свой костюм, то может прикинуться хоть модным режиссером, хоть дипломатом – ему поверят. Но на работу или в баню он ходит в своей любимой гимнастерке и в болгарских джинсах «Рила».

– Вернулся, блудный сын! – довольно сказал папа.

– Весь тут, – развел я руками.

– Давно приехал?

– Да только что, полчаса не прошло.

Отец неловко обнял меня, обдавая запахом распаренных веников.

– Ну, как тебе отряд? – преувеличено оживленно спросил он, будто стесняясь проявления чувств.

– Да нормально. Народ подобрался что надо. Многие, кстати, помнят комиссара⁵ Гарина!

– Да, были схватки боевые... – мечтательно сощурился папа.

– Мойте руки, – скомандовала мама из кухни. – Будем ужинать!

– Яволь, майне либе!⁶ – браво отозвался отец и приглушенно сказал для меня: – Мама обещала борщ сварить, как ты любишь – с белой свеклой⁷, но без сала.

– Давненько я его не пробовал! – вырвалось у меня, но папа понял мои слова по-своему.

– Бедный! Два месяца без борща!

Женщины в доме суестились вовсю, но это была та суета, которая не раздражает – живая и радостная.

– Привет семейству! – весело поздоровался отец, входя на кухню и закатывая рукава. Мама тут же подставила щеку для поцелуя.

---

⁵ Одна из должностей в штабе студенческого стройотряда.

⁶ Jawohl, meine liebe! (нем.) – Так точно, моя любимая!

⁷ Так на Украине называют свеклу сахарную.

– Понюхай! – сказала она загадочно.

Папа чмокнул ее и честно принялся.

– А что это пахнет?

– Это я пахну! – призналась мама.

Мой выход.

– Пап, держи, – сказал я, протягивая «Жилетт».

– Ух ты... – отец достал из блока пачку лезвий, распаковал. – Вещь! Сегодня же побреюсь по-человечески!

– Ну, всё, садитесь! – скомандовала мама.

В меню было пюре с котлетами, салат и творожная запеканка на сладкое. Борщ решили оставить до завтра – нечего, мол, жидким на ночь наедаться. Впрочем, «сутошный» даже вкуснее.

Я тут же воспользовался расширенными функциями организма, чтобы умолотить две пахучие, поджаристые котлеты с кучей гарнира. И еще для десерта место осталось.

Чудесный возраст!

Хорошенько позвякав вилками да ложками, все понемногу насытились, и за столом пошел разговор.

– Всё, – бодро сказал папа, переложив к себе на тарелку основательный кусок запеканки, – Мишка возвратился, можно ехать!

– А-а... – начала было мама, но под строгим папиным взглядом увяла. – Ага...

– Мы же уже, кажется, обо всем переговорили! – с нетерпеливой досадой заметил отец.

Чувствуя холодок, я начал свою сольную партию, импровизируя на ходу.

– Пап, а можно я тут останусь?

– Где тут? – не уразумел папа.

– В Первомайске, – хладнокровно пояснил я. – Буду жить у дяди Вовы, заодно и присмотрю за ним.

Отец не разозлился на мои слова, он растерялся. А мама с силой сжала ладони, держа их на коленях, словно боясь захлопать от радости.

– Ты не хочешь ехать? – пролепетала она.

– Нет, – спокойно сказал я.

– А... почему?

– Мамочка, сама подумай: зачем мне уезжать? – рассудил я. – Мне еще два года учиться, так лучше же вместе со своим классом, а не с чужим, и в моей школе, где я всех знаю и меня знают. А потом мне надо будет поступать в вуз! Так Москва от нас рядом почти, а из Владивостока до нее неделю поездом телепаться. Близкий свет!

Мама прижала руки к груди и жалобно заговорила с мужем:

– Петечка, давай не поедem? А? Всех денег все равно не заработаешь!

Отец свирепо засопел.

– Пап, а ведь ты и сам не хочешь уезжать, – я поиграл вилкой, притворяясь, что выискиваю кусочек повкуснее.

– Да ну? – буркнул папа, зыркнув на меня исподлобья.

– Да-а! – сказал я убежденно. – Ты же прекрасно понимаешь – рядом Киев, Москва, Ленинград. Научные столицы! А Владивосток – научная глубинка.

– Да что вы на меня насели! – раздраженно сказал отец. – Я же для вас стараюсь! Не хотите уезжать, ну и не надо! Всё, остаемся!

Мама не выдержала, наконец, и захлопала в ладоши. С чувством поцеловала надутого «Петечку», выудила бутылочку армянского коньяка и мигом плеснула в две рюмки.

– А детям не полагается! – пропела она.

Отец, смиряясь, со вздохом поднял свой сосуд, и рюмки празднично звякнули.

– За нас! – засияла мама.

Употребив, папа подобрел, а я подмигнул Насте. Сестренка неуверенно улыбнулась – видать, всем подружкам уже раззвонила, что не в школу пойдет, а двинет на поезде через всю Азию.

Мама же, будучи мудрой женщиной, решительно закрепила успех.

– Петь, – журчала она, подкладывая отцу салат, – там Вальцев звонил, сказал, что завтра привезут... я себе записала... Вот! «Аппаратуру сопряжения к БЭСМ-6»⁸.

---

⁸ Мощная ЭВМ «БЭСМ-6» (большая электронно-счетная машина) выпускалась с 1967 года. Быстродействие – 1 млн операций в секунду. Вычислительный комплекс из «БЭСМ-6» в 1975 году, во время совместного полета «Союз» – «Аполлон», обрабатывал телеметрию за 1 минуту, в то время как в Хьюстоне на такой расчет тратили 30 минут.

– М-м? – отозвался папа, проглотил и заворчал: – Аллес гут! А то наш Кикин изнылся уже... – тут он хмыкнул: – Ну, тогда, раз уж не еду во Владивосток, сметаюсь хоть в Новосибирск!

– В командировку? – с деланным унынием вздохнула мама. – Опять?

– Всесоюзная конференция по программированию! – развел отец руками. – Куда ж там без меня?

– Ладно уж, – добродушно пробурчала мать семейства, – лети!

– Да я недолго, только туда и обратно!

Родители весело засмеялись, разом ослабляя возникшую было натянутость, и Настя хихикнула за компанию. Чтобы окончательно расположить отца, я тоже сделал ход – лениво ковыряя запеканку, спросил с самым невинным видом:

– А вы какую операционку разрабатываете? «Новый диспетчер-70»?⁹

Папа до того удивился, что даже отвлекся от любимого угощения.

– Нет, – ответил он с интересом, – «Дубну» и «Диспак». Ух ты-ы... – затащил, откидываясь на спинку стула. – Неужто любимой своей механике изменил?

Я скупно улыбнулся. Не скажешь же папе, что после дембеля закончил факультет вычислительной математики и ки-

---

⁹ Многие термины в тексте даются в их современном изложении. ОС «НД-70» разрабатывалась на основе «Диспетчера-68».

бернетики МГУ! Пошел, так сказать, по стопам.

– В ХАДИ точно поступать не буду, – подцепив кусочек запеканки, где изюма побольше, я перетащил его к себе на тарелку.

– А куда? – подался вперед отец. – Двинешь на штурм МАДИ?

– «Бауманки», – сказал я значительно, задирая вилку. – Ну, или МГУ, там тоже есть факультет кибернетики и вычтеха.

– О как! – папа удивился еще больше. – Это что же, династия у нас получается?

– Достойная смена! – пошутил я.

– А выдюжишь? – сощурился отец.

– Выдюжу, – твердо ответил я.

– Очень даже гут... – затянул Гарин-старший. – Нет, правда! Лично я рад.

– Я тоже! – засмеялась мама, сидевшая рядом. Обняв меня, она показала язык мужу. – Гордиться будешь сыном, самым молодым академиком! И Нобелевским лауреатом! Да, сына?

– А как же! – поддержал я игру. – Что тебе привезти из Стокгольма?

Все засмеялись, и мне впервые с момента появления в этом времени стало уютно и тепло. Нервная взвинченность еще присутствовала, но меня помаленьку отпускало – я среди своих, и угроза переезда снята! Ну, как говорится, «куйте

железо, не отходя от кассы!».

– Пап, ты не против, если я залезу в гараж? – начал я, накалывая вилкой верткую изюминку. – Хочу из десяти битых приборов, или сколько их там уже, собрать один целый.

Отец фыркнул смешливо.

– Ну, я уже устал удивляться! Собирай, Мишка, собирай! Хуже нашему электронному хламу не станет – или сразу на свалку, или потренируйся на нем. А чего ты хочешь... хм... натворить?

– Микро-ЭВМ, – спокойно ответил я.

– Ого! – восхитился папа.

– А не испортишь? – обеспокоилась мама.

– Майне кляйне¹⁰, та электроника давным-давно испорчена! – сказал отец снисходительно. – Там, может, еще наш старый телик на что-то годен, а остальное... – он махнул рукой. – Ломьё!

– Все равно жалко, – вздохнула мама.

– Да чего там жалеть? – пожал плечами папа. – Те приборы... они как чемоданы без ручек – и выбросить не решаешься, и нести неудобно.

– Мам, – улыбнулся я, – ты же азартный человек. Давай спорить, что в октябре... м-м... числа так двадцатого, ты сядешь за мою ЭВМ?

Мама посмотрела на меня, выходя из образа домохозяйки, – ее глаза смеялись.

---

¹⁰ Meine kleine (нем.) – Моя маленькая.

– Спорим! – протянула она руку решительно. – На что?

– С тебя «Наполеон»! – сразу выбрал я.

– А с тебя... – затянула мама. – Нет, я потом скажу.

– Так нечестно! – воскликнула Настя.

– Да ладно, – позволяю себе свеликодушничать, – все равно ж выиграю. Пап, разбей!

Отец заделался арбитром, возводя в закон только что заключенное пари.

– А все-таки, – полюбопытствовал он, – зачем тебе ЭВМ? Перед девчонками хвастаться?

Мама глянула на меня с легким беспокойством – какие еще девчонки? А я потер ухо в великой задумчивости. Сказать или не надо? Надо, Миша, надо!

– Нет, пап, у меня другие планы. – Критически осмотрев последний кусочек запеканки на блюде, подцепил его вилкой. – Сразу после Нового года на ВДНХ пройдет смотр НТТМ – научно-технического творчества молодежи. Вот на него-то я и хочу попасть. Правда, сначала нужно поучаствовать в смотрах областном и республиканском... Ничего, осилю как-нибудь. Загляну к комсору школы, в райком зайду...

И проглотил остаточек моей доли.

– Постой, – папа озадаченно нахмурился. – Ты хочешь показать на ВДНХ действующую модель ЭВМ?

– Я хочу показать нормальную рабочую машину, – спокойно парировал я. – Для всех пользователей – и для инженеров, и для шестиклассников!

– А что? – прикинула мама. – Мне нравится!

Папа застонал.

– Миша, – заговорил он сдержанно, – ты же видел нашу БЭСМ-6. Она в комнате не помещается! Ее обслуживает целый отряд высококвалифицированных специалистов! И ты хочешь вот так вот, запросто, слепить ЭВМ, пусть даже микро, с которой справится и шестиклассник?

– Да. Пап, ваша БЭСМ – машина хорошая, но устаревшая – она ведь собрана на транзисторах.

– А надо как? – сощурился отец.

– На однокристалльных БИСах и СБИСах¹¹, – авторитетно заявил я. – Компания «Интел» выпустила весной 8-разрядный микропроц i8080 – во-от такая фитюлька, но транзисторов в нее напихано тысяч шесть или больше. Сейчас тамошние инженеры корпят над 16-разрядным процем – уже тыщ на пятнадцать транзисторов. Года через три он пойдет в производство. А у нас сейчас, в НИИТТ, кажется, маракуют над первым в Союзе микропроцессором, 4-разрядным, на две с половиной тысячи транзиков. Хм... Ты как-то смотришь... подозрительно. Не веришь?

– Отчего же, – хмыкнул папа. – Верю. Знаю потому что! В НИИ точной технологии работают «на аккорде», порой в две смены, так что, думаю, в будущем году наш первый микропроцессор пойдет в серию. Причем они там не «переди-

---

¹¹ БИС – большая интегральная схема. СБИС – сверхбольшая интегральная схема.

ром» заняты, у них своя разработка. А вот откуда это стало известно тебе? Там же закрытая тема!

– Информация, как вода, – вывернулся я, – дырочку найдёт. Разработки НИИТТ или, там, НИИЦЭВТ очень даже радуют и вдохновляют, только вот штатовцы свою 4-битовую однокристаллку выпустили еще два года назад. Получается, у нас отставание – больше трех лет. А я хочу их самих перегнать!

Тут отец разочарованно вздохнул и покачал головой.

– Мишенька-а, – протянул он, – ка-ак?

– Так я ж тебе говорю – соберу микро-ЭВМ! – втолковываю я, словно не замечая папиного скепсиса. Как любого профессионала, бату раздражали отроческие самоуверенность и невежество. Я должен его убедить, что кой-чего смыслю в вычтехе, вот и продолжал доказывать: – С кассетником для оперативки, все на микросхемах, с системной шиной на сто выводов...

– Миша, – перебил меня папа, – когда ты собрал осциллограф – помнишь? – я тобой гордился. Я и сейчас горжусь! Но ЭВМ намно-ого сложнее!

– Пап, – сказал я терпеливо, но не выдержал, наметил улыбку, – мне с тобой тоже поспорить, как с мамой? Осциллограф я собрал чуть ли не полтора года назад. За это время я маленько подрос, и не только в высоту. – Настроение мое вдруг изменилось зигзагом, и я сморщился: – Зря я, наверное, все это рассказываю...

– Нет-нет-нет! – отец замахал рукой перед лицом, словно сигаретный дым разгоняя. – Я даже рад, что мы завели откровенный разговор, уж ты поверь! Да, я действительно не следил за твоими успехами. Сам понимаешь, работа! Ты только не обижайся, но...

– Я не обижаюсь, – вздохнул я. – Досадно просто. Мало ли что я болтаю или, там, планирую, ничего же в железе нет! Я почему и злюсь на американцев. Вон тоже ведь в гараже собирают свои первые компьютеры! А чего им? Сходи в магазин и купи любую микросхему! А мне их где достать? Буду искать, конечно...

Папа остро посмотрел на меня:

– А если бы у тебя были нужные детали, ты бы собрал свою ЭВМ?

– Только так, – заверил я его. – Да что сборка! Понимаешь, я хочу сделать не простую микро-ЭВМ, а именно персональную, такую, с которой мог бы справиться любой пользователь. Никаких перфокарт и лент! Сидишь, смотришь в дисплей... то есть в этот, в видеомонитор, с клавиатуры загружаешь программы – они тут же отображаются на экране. Понимаешь?

– Понимаю... – Отец аккуратно разрезал кусок своей запеканки надвое, потом поделил каждый кусочек и еще, и еще, пока не раскрошил всю порцию. – Монитор... Хм. Это было бы аллес гут, конечно... Слушай, а ведь так можно и фото выводить!

– О! – поднял я палец. – Ты понял! И фото можно, и тексты, и диаграммы – насколько памяти хватит.

– Это было бы очень даже гут, – папа крепко потер себя по щеке, так что рот скособочился, – но все упирается не только в мощность процессора и объем памяти, но и в программирование.

– Вот с этим полегче, – успокоил я его, – программы есть.

– Где?

Я постучал пальцем по голове. Отец подобрался.

– И ты сможешь запрограммировать работу этой своей персоналки? – спросил он недоверчиво, но как будто с затаенной надеждой. – Полностью? Все системы?

– Смогу. Сомневаешься?

Я-то не сомневался. У меня в голове разложен по полочкам опыт сорока лет работы.

– Не знаю... – Папа потер щеку в некотором замешательстве и задумался. – Вот что, сын, – он затарабанил пальцами по столу, выдавая свое волнение. – Иной раз даже такому закоренелому атеисту, как я, хочется уверовать в чудо. Я не буду с тобой спорить, но помочь – попробую. Только ответь на один вопрос... Обещаю, что больше его не задам. Вся эта твоя затея с персональной микро-ЭВМ... Это не очередное увлечение, как с тем мотоблоком, это серьезно?

– Очень, – веско сказал я.

– Хорошо, посмотрю, что можно сделать.

Дверной звонок прервал кухонную беседу.

– Я открою! – подскочила Настя.

Выбежав в прихожую, она щелкнула замком – ипустила шумство, смех и ойканье.

– Миша, это к тебе!

– Здравсте, Лидия Васильевна! – жизнерадостно поздоровался Изя Динавицер, возникая в дверях. С мелким, курчавым и лупоглазым Изей я учился с первого класса, а мама всегда его ставила в пример: «Ах, какой воспитанный мальчик!»

– Здравствуй, Изя, – улыбнулась мама.

– Ой, здравствуйте! – из-за тощого Динавицера выглянула Альбина Ефимова, тоненькая, с кукольным личиком – большие глаза в черной опуши ресниц, крошечный носик, изящный очерк губ. В классе она сидела напротив меня, во втором ряду. – Миша, привет!

– Привет! – заулыбался я, глядя на одноклассников со сложным чувством, как бы сочетая их нынешние образы с теми, которые они примут лет через двадцать. В лихие 90-е Изя махнет в Хайфу, спасаясь от перестроечного беспредела. Правда, попользоваться всеми благами Земли Обетованной удастся недолго – обкуренный палестинец зарежет Изю во славу Аллаха...

А вот Аля так и останется жить в Первомайске. Будет терпеть бандеровцев, пока муж горбатится в Европе. В 2013-м они переедут в Крым, а еще через год получают российские паспорта...

– Чай будете? – спохватилась мама.

– Ой, нет! Спасибо! – засмузилась Ефимова. – Мы просто так зашли. Рита сказала, что Миша вернулся, вот мы и... это... Ой, а загорел как! Ты на юге был?

– Балда! – попенял ей Изя. – Мишка на стройку ездил!

– Сам балда! Миш, расскажи!

Тут меня осенило.

– Блин! Я ж фотки привез!

– Ой, покажи!

Оживились все разом, включая папу с мамой. Я сбегал в «берлогу» и вернулся с пухлым конвертом, куда была вложена стопка черно-белых фото.

– Вот! Это стройка. И вот...

Все по очереди рассматривали снимок, запечатлевший возведение корпусов завода в тайге. Стройотрядовцы в одних заляпанных штанах и касках выкладывали бетонные блоки, крепили огромные колонны, сваренные из толстенных уголков и швеллеров, а я на переднем плане мешаю раствор лопатой – все тело напряжено, а лицо перекошено.

– Неудачная фотка, – повел я носом.

– Так тяжело же! – уважительно отозвалась Аля. – А это кто?

Фотограф поймал момент возле бревенчатого сруба бани. Я рубил дрова, а рядом стояла Марина в белом халате и подбадривала.

– Наша врачиня, – отвечаю, чувствуя, как теплеют уши,

наливаясь краснотой. Хорошо еще, никто на меня не смотрит, все увлеченно разглядывают фотоснимки, запечатлевшие мои трудовые подвиги.

Вот мастер, пригибаясь, вытягивает мускулистую руку в рукавице, как на плакате, показывая крановщику: «Май-най!» Здоровенный железобетонный ригель плавно опускается по месту, а меня видно на втором плане – вместе со всеми я вяжу проволокой арматуру. На следующем снимке подъезжает бетономешалка.

– А это где? – Аля тычет пальчиком в глянцевое изображение. Стройотрядовцы шагают по тропе между великанских кедров.

– А там же, только дальше в сопки. Это мы на выходном.

Аля с Изей жадно рассматривали фотографии и передавали родителям.

– Здорово... – завистливо вздохнул Динавицер. – А меня на все лето к бабушке услали...

– Ой, ну ладно! – подхватила Альбина. – Пойдем мы!

– А запеканочку? – коварно вмешалась мама.

– Лопну же... – неуверенно сказала Ефимова.

– А по чуть-чуть?

И Аля сдалась. А Изя, как Аля.

– Садись, – встал я, уступая место девушке.

– Ой, да мы стоя! – покраснела Ефимова.

– Ну, щас! Садись, садись... Я себе табуретку принесу.

Вернувшись на кухню, устроился у холодильника, прива-

лясь к его эмалированному боку, и понял, что мама не зря проявила гостеприимство с хлебосольством.

– Алечка, – зажурчала она, подкладывая Ефимовой кусочек своей пышной запеканки. – А девочек у вас в классе много?

Я усмехнулся, глядя на гостью: выкручивайся теперь, как хочешь! Но Альбина, невинное создание, даже не поняла подтекста. Да и был ли он? Это я, старый циничный мизантроп, способен углядеть пошловатый второй смысл в обычном вопросе! А мама ведь не зря вспоминала однажды, как заполняла анкету в школе, вступая в комсомол, и не сразу догадалась, что поставить в графе «Пол». Ну какой у них дома пол? Так и написала: «Деревянный»...

Ефимова похлопала глазами и ответила:

– Ну-у... где-то больше половины класса. А что?

– А кто из этой половины нравится Мише?

Изя невоспитанно хрюкнул.

– Ох, мать, ну ты как спросишь! – недовольно пробурчал отец.

– Да пусть, – ухмыльнулся я, – ей же интересно.

– Еще как! – жизнерадостно подтвердила мама.

– Ой, ну не зна-аю... – затянула Альбина, чуть виновато поглядывая на меня. – Рита, наверное... Да?

– Сулима всем нравится! – заверил Динавицер.

– Сулима?

– Рита Сулима, – прояснил вопрос Изя и похвастался: –

Чемпионка школы по художественной гимнастике!

– Это правда? – мама повернулась ко мне.

– Чистая правда, – невозмутимо подтвердил я, – первое место заняла.

Папа отвернулся, чтобы жена не заметила его ухмылки.

– Я не о том! – отмахнулась мама. – Тебе правда Рита нравится?

– Очень, – сознался я и хладнокровно добавил: – А еще мне Инка Дворская нравится, тоже ничего. И Софи Лорен.

– Мать, кончай, – с укором прогудел отец.

– Ну, мне же надо знать! – вяло засопровотиялась мама.

– А я слышала, что Инке Миша нравится, – заговорщицки сообщила Альбина.

– Да ну?! – мамин интерес разгорелся с новой силой, а Настя даже рот приоткрыла, вникая.

– Ты серьезно? – удивился я.

– Умгу! – Ефимова прожевала кусочек. – Только ты никому!

– Как рыба! – поклялся я. – Свежемороженая.

– И ты! – Алькин палец грозно уставился на Изю.

– Молчу, молчу! – поспешно ответил Динавицер. – Что я, дурак, что ли? Инка же меня убьет!

– Ой, поздно уже! – спохватилась Альбина, когда доела всю запеканку. – Пойдем мы.

– Ага! – сыто подтвердил Изя. – Спасибо, Лидия Васильевна!

А я поежился, как от сквозняка. Что-то я не помню разговора «про девочек» в прошлой жизни! Уже, что ли, реальность меняется?..

Закрыв за ребятами дверь, я покрутился по квартире, как Иван-царевич в поисках того, не знамо чего, и отправился к себе.

Поздно уже. Родители остались посидеть перед телевизором, а детям пора баиньки.

Притворив дверь своей комнаты, я оказался в тишине и одиночестве. Выключил верхний свет, оставив гореть слабенькое бра. За окном лила свое сияние луна, лучи фар подметали улицу, дома напротив прострочены вдоль и поперек желтыми квадратиками окон.

Оглядывая город, отходящий ко сну, я чувствовал, что стрелка моих внутренних весов не пляшет больше, а подрагивает около нуля. Пока что всё выходило, как надо. Конечно, основные испытания впереди, да и совместить опыт пожилого человека с телом юнца будет сложновато. Придется заново принимать те правила игры, которые сложились между младшими и старшими, откопать в сундуках памяти полузабытый принцип «сяо»¹², закрепить его и не отступаться. Иначе прокол, как у того шпиона, что выделялся «не наши-

---

¹² Почтительность к родителям и уважительность к старшим. Одно из главных понятий в конфуцианской этике и философии, важный компонент традиционной восточноазиатской ментальности.

ми» привычками.

Ученику дозволено болтать с одноклассниками, а вот за- просто общаться с директором школы или с завучем – ни- как. Очень уж разные уровни иерархии. Дать подзатыльник малолетнему балбесу – это пожалуйста, а вот сделать заме- чание балбесу взрослому – ни-ни. Молокосос ты потому что.

С другой стороны, вынужденная почтительность – ни- чтожно малая плата за отменное здоровье и неиссякаемую энергию, за могучий метаболизм – и возможность жрать все подряд, не заморачиваясь проблемами лишнего веса или ка- мешками в желчном пузыре. Замечательный бонус!

Короче, все будет хорошо! Хотя и непросто. А разве уже прожитая жизнь была легка? Я же все помню – и службу в ар- мии, когда меня комиссовали по ранению, и учебу, и канди- датскую, и свадьбу, и рождение дочки, и дачу, где мы вкалы- вали как проклятые, обеспечивая картошку на зиму, и чел- ночные мотания в Китай за тамошним барахлом, и Леночку с Наташкой...

Воспоминание о Наташе вспыхнуло неожиданно яркой картинкой, и подростковый организм среагировал момен- тально, задействовав мощный подъем.

Оглянувшись на дверь, из-под которой пробивался свет, я торопливо разделся, аккуратно складывая вещи на стуле, и быстро натянул на себя длинную, застиранную футболку, большую, не по размеру, но мягкую и удобную, как раз для спанья.

Завтра с утра – к дяде Вове, сонно планировал я, застилая постель. Еще одно мое упущение, «меа кульпа»¹³, как римляне говаривали...

– Ты не спишь еще?

Я чуть вздрогнул. В дверь заглядывала Настя в ночнушке.

– Заходи, – загреб я рукой, – будь как дома!

Прошаркав шлепанцами, сестренка гибко присела на краешек дивана.

– Знаешь, – проговорила она затрудненно, – мне до сих пор приятно, что ты... ну, ты помнишь, когда вернулся? Ты...

Настя не договорила, смущаясь. Я сел рядом и осторожно обнял ее. Она вздрогнула, но тут же доверчиво прижалась ко мне.

– Я иногда бываю у Иры... – пробормотала Настя. – Ты должен ее знать, темненькая такая, она приходила ко мне на день рождения, помнишь? Ей уже четырнадцать, она тоже танцами занимается... И я всегда завидовала, когда она встречала брата. Ирка бросалась к нему, целовала его, обнимала, а он ее обнимал... И... и у меня потом долго не было никакого настроения!

Я прижал ее крепче и поцеловал – в щечку и в губы. Настя отвечала неумело, но с пылким энтузиазмом.

– Ты самый лучший брат на свете! – вырвалось у нее. – Так будет всегда?

---

¹³ С латинского «моя вина».

– Так должно быть всегда, – сказал я с силой. – И обязательно будет, если мы этого захотим – ты и я. Все зависит от нас двоих. Не от тебя одной и не от меня, а от нас обоих. Я очень хочу, чтобы моя сестренка всегда оставалась такой, как сейчас – доброй, ласковой, нежной.

– И я... – прошептала Настя. – Я тоже очень-очень хочу, чтобы ты был таким всю жизнь! Сильно-пресильно хочу! Поцелуй еще разик...

Я честно поцеловал мягкие Настины губы.

– Спокойной ночи, Мишенька! – Сестричка встала, поправляя ночнушку.

Не надо было обладать сверхспособностями, чтобы понять – девочка счастлива. Дай-то бог или природа – вот так и на всю жизнь, как сестренка пожелала.

– Спокойной, Настенька.

Настя ускакала, смеясь и прикрывая ладошкой рот, чтобы счастье не вырвалось на волю радостным визгом, а я лег, улыбаясь.

Я был дома. Впереди меня ждали серьезные дела – и сорок четыре года работы над ошибками.

«Жизнь дается лишь дважды», – пробормотал я и заснул.

Глава 3

Пятница, 30 августа 1974 года,

позднее утро.

Первомайск, улица Киевская

Со страшным скрежетом переключив передачу, водитель направил лобастый «пазик» мимо райисполкома, выворачивая к мостам через Синюху и Южный Буг — два потока бесстыдно сливались, закручивая бурные водовороты. Речки тут же унимали волнение, словно вспоминая о приличиях, и текли общим руслом дальше, чинно да плавно, по-семейному. До первых порогов...

На том берегу вскипала листовяной пеной растительность, пышно стекая по склонам и тенистым балкам. Одни лишь многоэтажки спасались от глянцевитых разливов, а вот «частный сектор» тонул в зелени по самую крышу.

На переднем плане торчала в гордом одиночестве старинная каланча, словно охранявшая небольшой пляж — народ

купался и загорал, следуя заветам Мойдодыра.

У меня даже шея заболела, так головой крутил – совмещал памятное с реальным. И до чего же все захватывает, цепляет как! Все правильно – с годами уровень допамина падает, а именно этот гормон отвечает за яркость и остроту впечатлений. Ну, это если скучно раскрывать секрет фокуса. А в жизни эмоции зашкаливают, и даже самое дешевое, по тринадцать копеек, мороженое – «Молочное» в вафельном стаканчике – представляется пищей богов.

За вторым мостом выстроились пирамидальные тополя, будто в почетном карауле тянувшиеся перед Домом Советов. На шпиле реял красный стяг. Наши в городе!

Неожиданно из неясных глубин моего существа поднялась тревога, прошла холодком по хребтине, разнесла дикий страх: а вдруг вот сейчас, в этот самый момент, все кончится?! Растает «застойный» Первомайск, пропадет весь этот мир, которым я еще даже не надышался?

«Да что ты ерундой маешься? – прикрикнул я на себя. – Все стойко, и твердь под тобой не колышется – это автобус потряхивает... А если все неожиданно-негаданно исчезнет, рассеется легким морозом, то ты этого даже не заметишь. Ведь тебя в этом мире как бы и нет – так, личностная матрица, наложенная на юные мозги, еще не запятнанные горьким опытом. Перекачанная инфа, вот ты кто... А чего это у тебя пульс зачастил? Страшно стало? Да ты не бойся, кнопки „Delete“ у тебя на пузе нет, и никто тебя просто так не

удалит...»

Я провел ладонью по шершавому кожному сиденья, словно желая убедиться, что вокруг меня не скопище фантомов, а действительность, данная в ощущениях.

«Всё нормально...» — напомнил я себе.

Начиналась моя новая жизнь. Не та, которой обещают зажить с понедельника, а настоящая, с чистого листа, пугающая до дрожи и влекущая до озноба. Вот только я понятия не имел, какой она выйдет. Еще вчера я был моложавым дядькой, которому светило лишь дожитие, поскольку тот срок, что отпущен природой каждому смертному, у меня давно перевалил за середину. А теперь я опять стою на старте, и впереди у меня бездна времени. Привыкну к этому не скоро...

Тот же день, чуть позже,

Первомайск, улица Революции

Я вышел у старого двухэтажного вокзала, белого с голубым, и осмотрелся. За спиной диктор неразборчиво вещал о прибытии поезда. На углу глыбился универмаг — двухэтажная коробка из силикатного кирпича. В наклонной витрине который год скучали манекены, отрешенно созерцая суету за стеклом. А прямо передо мной, в перспективу улицы Шев-

ченко, уходили два ряда развесистых каштанов, упираясь в колоннаду райкома партии. Все как тогда, в детстве...

«Балда, а ты где, не в детстве разве? – напомнил я себе. – С приездом!»

Горячий ветерок задул из степи, донося наилегчайший запах полыни. Жадно вбирая травяную горечь, я зашагал к дяде Вове – папин «электронный хлам» лежал в дядином гараже.

Шел и радовался, что прогресс не допер пока до сотовых телефонов, а то мама иззвонилась бы уже, вызная, где ее дитяtko и не забыло ли оно покушать.

Это здорово, наверное, постоянно быть на связи, но я помню, до чего ж хотелось порою оказаться вне зоны доступа! Сбылось.

Никто вокруг не ходит с дурацкими проводками, засунутыми в уши, и не смотрит сквозь тебя. Никто не сутулится, уткнувшись в гаджет и чатясь, выворачивая пальцы козюльками. Не дожили пока.

Сощурившись, я огляделся. Первомайск на каждом шагу тыкал меня носом в сценки из нынешней жизни: неустроенной, но верной, правильной, стоящей – настоящей. Светлое прошлое...

Уйма малышни гуляла, играла, «бесилась». Целые стайки малолеток носились по дворам и переулкам, догуливая каникулы. Мальчишки скакали по гулким крышам гаражей, прятались в джунглях бурьяна, сражались с врагами и вопили на

весь квартал. Девочки, встряхивая бантами, играли в «классики», расчертив весь асфальт, или оккупировали дворовые качели, гоняя настырную пацанву.

Военных тоже хватало, они несли службу даже в увольнении – вокруг Первомайска, в степи, прятались шахты 46-й Нижнеднепровской ракетной дивизии.

Проводив глазами симпатичную девушку, заносчиво задиравшую носик, я прикрыл ладонью рот, растянувшийся в блаженной улыбке.

Забавно, как моя «взрослая» наблюдательность заточилась под отроческие интересы. На архитектурные изыски или на красоты природы я взирал рассеянно, но стоило только появиться в поле моего зрения представительницам прекрасного пола, как я сразу же сосредотачивался: с прилежанием изучал особенности фигур, вприглядку измерял длину ног и «снимал» прочие размеры, а уж если ловил ответный взгляд девичьих глазок, то кровь моя вскипала, заливая румянцем щеки...

Напротив универмага шла бойкая торговля квасом – желтую бочку «пришвартовали» рядом с кассами кинотеатра им. Луначарского, и дебелая продавщица в переднике наливала бокал за бокалом, кидая на блюдо липкую мелочь. Неподалеку пристроилась еще одна румяная тетка в белом халате. Она то и дело совала руку в фанерный ящик-термос, выкрашенный синей краской, и доставала из его холодных недр брикетки пломбира.

В отдалении, на крыше Госбанка, угадывалась мощная стальная конструкция, удерживающая громадные красные буквы, складывавшиеся в лозунг «СЛАВА КПСС!». Поближе, прямо на вокзальной площади, крепко сидел огромный, тяжеловесный серп и молот, к которому пристыковали городскую доску почета.

«Найди десять отличий между прошлым и будущим...» Да хоть сто! Только зачем? Достаточно и одной разницы – люди тут жили-были иные, чем сорок лет спустя. Я имею в виду не внешнее – одежду или прически, а внутренний настрой – лица первомайцев выражали спокойствие, уверенность или благодушие. Никаких тревог и страхов! Мне навстречу шли или обгоняли меня те самые «совки» – народ великой страны, знающий, что он непобедим.

Я вернулся...

Пройдясь по улице Революции, я свернул в проезд между магазином игрушек и рестораном «Южный Буг». Дальше открывался просторный зеленый двор, где пенсионеры забивали «козла» в изрезанные доски могучего стола, а бабушки отдыхали на лавочках, баюкая внуков в колясках. По центру двора стояли два старых трехэтажных дома, чья облезшая местами штукатурка смахивала на рваный халат – в дырах просвечивала красная кирпичная кладка. В доме, что слева, и обитал дядя Вова.

Его догнал инсульт этой весной, он теперь почти не может

ходить – правую половину тела парализовало. Дядька кое-как разработал руку и таскается по квартире на костылях, волоча отнявшуюся ногу по полу. Так и будет мучиться до будущего года, до самых своих похорон...

«А вот фиг вам! – ожесточился я. – И его вылечим!»

Способность исцелять открылась у меня рано, лет в пять, как раз когда мы с сестрой подхватили коклюш. Кашляли так, что чуть наизнанку не выворачивались. Вот тогда-то я впервые и заставил организм не болеть. И у меня получилось!

Помню, как прижимал руки к груди сестрички, словно горчичники, а та куксилась и хныкала – жжется, мол, печет! Даже красные отпечатки ладошек оставил. К вечеру они сошли, а Настя больше не кашляла.

Я был умный мальчик, поэтому не стал хвастаться маме, какой из меня доктор Айболит, да и потом в тайне держал свой дар, лишь изредка пуская его в ход – то порежусь, то у Насти колики случатся, то еще какая напасть. А вот к дяде Вове так и не зашел...

Я бодро поднялся на второй этаж по гулкой, скрипучей лестнице и вжал кнопку. Дребезжащий звон отдался через филенчатую дверь, обитую дощечками от ящиков из-под апельсинов. Глухой голос отозвался сразу же:

– Входите, не заперто!

Толкнув дверь, я вошел. Паче чаянья ничем таким не пахло – ни тяжелого духа, что исходит от стариков, ни резко-

го запаха лекарств. Было даже свежо – в форточку на кухне поддувало, оттопыривая цветастую занавеску.

Заглянув в комнату, увидел дядю Володю, сидевшего на диване и пытавшегося поднять свой исхудавший организм на костыли.

– Сидите, сидите! – заспешил я. – Здравствуйте, дядь Вов.

– А-а, Мишенька! – заулыбался дядька. – Здравствуй, здравствуй! Сейчас я попробую чаек поставить. Иногда у меня это получается, хе-хе...

– Вы лучше ложитесь, дядь Вов, – мой голос принял командирский тон. – Я тут один интересный массаж освоил – бесконтактный, потренируюсь на вас!

– Миша, – расплылся в улыбке Владимир Николаевич, – да хоть что делай! Не в моем положении привередничать.

Кряхтя, он лег и вытянулся, устраивая «неисправную» ногу. Я сел рядом на легонький венский стул, собираясь с силами.

Если подумать, все мои способности – от усиления мозга. Когда я срываюсь на сверхскорость, импульсы проскакивают по нервам быстрее, чем обычно, заставляя мышцы сокращаться в бешеном темпе. А то, что лечу я руками, это сплошная видимость. Ладонями я как бы фокусирую энергию мозга, направляю ее. Так может любой, просто у меня лучше получается. Не зря же, когда мама гладит по голове плачущего ребенка, тот успокаивается – попадает в поле доброты, под излучение жалости и любви...

Сосредоточившись, я опустил руки ладонями вниз и медленно провел вдоль неподвижной дядькиной ноги, почти касаясь «пузырей» на синих тренировочных штанах, чувствуя, как холодеют руки, отдавая нутряной жар.

Справа налево... Слева направо... Еще и еще раз, пока не ощутил пустоту внутри – все, садится «батарейка».

– Ох ты... – растерянно проговорил дядя.

– Что? – спросил я отрывисто.

– Чувствую вроде...

– Где? Выше колена?

– И там, и там. Ниже тоже... покалывает. Будто я ее отсидел.

– Это хорошо...

Закончив сеанс, я отдышался и сказал:

– Только вы никому не говорите про бесконтактный массаж, ладно?

– Конечно, конечно! – заспешил Владимир Николаевич. – Господи, неужто...

Я мотнул головой.

– Не спешите, дядь Вов, – сказал серьезно. – Вам еще попотеть придется. Надо заставить мозг заново двигать правой ногой. Поэтому, когда лежите, вы ее руками сгибайте в колене и выпрямляйте. Столько раз, сколько сможете. Завтра на коленках ползать пробуйте, а потом станете разрабатывать ногу при ходьбе. Сначала на костылях, потом с палочкой, а там видно будет.

– Спасибо, Мишенька...

Голос дяди дрогнул, а глаза заблестели.

– Все нормально, дядь Вов, – торопливо сказал я, боясь, что сам расчувствуюсь. Сдерживать эмоции в моем «новом-старом» теле получалось пока весьма средне, гормоны порою оказывались сильнее. – Я возьму ключ от гаража?

– Да забирай его насовсем! Зачем он мне?

Дядька, кряхтя, притянул руками правую, будто чужую, ногу и выпрямил ее.

– Во-во! – подбодрил я его. – Продолжайте в том же духе. Я еще заскочу!

Осмотревшись, снял ключ с гвоздика в прихожей и был таков. Я действительно вознамерился «еще заскочить» – сбегаю в магазин, прикуплю для дяди Вовы продуктов и зайду. Холодильник на кухне у дядьки исправно тарахтел, только в неммышь повесилась с отчаянья.

Сбежав по лестнице, направил стопы к гаражу и отпер массивную стальную воротину – хоть золотой запас храни. Правда, пока что мы лишь картошку закладывали сюда по осени, на машину, даже на завалящего «Запорожца», вечно не хватало, но гараж и вправду хорош – капитальный, сухой и теплый. Вдоль стены дядя Вова сколотил крепкий стеллаж, полки которого уже мой папа заставил телевизорами, усилителями и прочей электроникой – битой, списанной, перегоревшей. Если хорошенько покопаться, можно нарыть кучу нужных деталей, да и корпуса – на выбор, бери любой. Что-

бы уж точно удивить почтенную публику, лучше привезти на ВДНХ не один лишь системник с монитором да «клаву» с «мышью». Хорошо бы еще и принтер собрать – не лазерный, конечно, а матричный, по схеме из девяти иголок.

Только в темпе надо все делать, в темпе – я должен приехать в Москву на зимних каникулах, а времени считай что нет. Надо же сначала на киевской ВДНХ засветиться.

Проц где взять? Вот в чем вопрос. На папу я, конечно, надеялся, но рассчитывать надо на себя. Отцовский институт – секретный «ящик», они там на оборонку работают, на космос. Вынесешь за ворота хоть транзик, первый отдел замучает!

Будем искать...

Сегодня, впрочем, разбирать электронные блоки и выпаивать микросхемы я не стану – терпения нет. Меня основательно потряхивает перед завтрашней разборкой. Как там все сложится? Легко ли ввязаться в перестрелку? Так ведь и убить могут! Это лишь Нео в кино до того ускорился, что от пуля увернуться мог...

Оружия у меня нет, бронежилета тоже. «Зато грим есть!» – я с трудом согнал с лица глупую улыбочку. А чего? Хоть светиться перед бандосами или кагэбэшниками не буду. Как говорил великий Ленин: «Конспи'гация, конспи'гация и еще раз конспи'гация!»

Гараж у дядьки получился не только теплый, но и просторный, удалось даже мастерскую-закуток выгородить в

задней части. Там стояла печка-буржуйка, сваренная местными умельцами, а толстую бетонную стену прорезало за решеченное окошко. И верстак поместился в этой «тайной комнате», и пара шкафчиков висела – туда я складывал инструменты, а в углу стояло огромное развалистое кресло. Рядом с ним пылился мой мотоблок, который я так и не довел до ума прошлым летом. Двигун, бачок и руль от мотоцикла «Днепр», почти готовая рама...

«Доделаю обязательно! – пообещал я себе. – К середине сентября все на дачах картошку соберут, начнут огороды на зиму перекапывать, а тут я: „Вспахать не желаете? Шесть соток за пятнадцать рублей!“»

Привык к хорошему, чтобы деньги в кармане лежали – мои, заработанные. Триста рублей на обновки разойдутся мигом, я же не одному себе туфли покупать собрался. Мысли о шальных пулях я отсеивал прочь...

Отодвинул мотоблок и вытащил большой картонный ящик – память о моем театральном прошлом. Это всё Вита, девчонка из нашего класса. Она по жизни завзятая театралка, с малолетства мечтала стать режиссером. Вот и собрала труппу, а меня пригласила из-за того, что я мог под разные голоса подделываться. Под Сталина, например, или под Бабу Ягу.

«Чуфырь-пуфырь! Сюда, сюда его, голубчика, – на жаркое после супчика! Недолго твой век будет, добрый молодец! И на силу свою не надейся, все равно я тобой пообедаю!»

Блистали мы на сцене недолго – Вита зимой перешла в другую школу, а без «худрука» какие репетиции, какие спектакли? Разбежались актеры «из погорелого театра»...

Порылся в париках, бородах и красных носах и с удивлением обнаружил потерянную драгоценность – настоящие темные очки «Авиатор», они же «капельки». А я-то думал, что потерял их! Все дома перерыл, а они вон где «прятались»!

Нормально...

Перебрав парики, вытащил радикально-черный и примерил. Паричок идеально сел на мою короткую стрижку, тут же придав модный стиль – темные волосы не доставали до плеч, но уши закрывали полностью. Полстраны ходило с такой прической.

А вот еще одна важная деталь – я называл ее прищепкой. Или нашлепкой. Нацепив «нашлепку» посередине носа, добился того, что мой орган обоняния приобрел хищную горбинку, как у Брюса Уиллиса, а голос – легкую гнусавость. Нормально...

Накладные усы я сперва и пробовать не стал, уж больно они пышными были для моего возраста, но неожиданно обнаружил на дне ящика реденькие «юношеские» усики, выполненные на почти прозрачном монтюре из тюля. Ну-ка...

Припомнив уроки Виты, я сделал «чи-из!», чтобы растянуть кожу над верхней губой, и посадил усики на медицинский клей. Из небольшого зеркала, приделанного к шкафчи-

ку, на меня глянул усатенький молодчик, брюнет лет двадцати. А если еще и очки? Хм... Джеймс Бонд отдыхает.

А Миша Гарин исчез, спрятался за чужой внешностью!
Будут искать...

Вечер того же дня.

Первомайск, улица Дзержинского

Не заходя домой, я отправился в спорткомплекс – в секцию свою, в бассейн. С этой завтрашней поездкой я разнервничался, и мне надо было срочно сбросить напряжение, смыть страхи, усталостью перебить тревогу. Да и занятия оставлять нельзя. Вон, бросил в «прошлой жизни». И что? Объем плеч равнялся объему талии. Нет уж!

Часа два я изображал дельфина, пока не утомился. К этому времени бассейн опустел, и в спорткомплексе зависла гулкая тишина. Дети разошлись, а взрослые пловцы и ватерполисты еще только с работы возвращаются. Я переоделся и вышел в фойе, чьи стены были расписаны на тему водных видов спорта, а кое-где выложены мозаикой. За стеклянной стеной, будто в аквариуме, проплывали одиночные автомобили. Пешеходы, вертя головами, спешили на ту сторону улицы, к гастроному на углу.

– Миша!

Я оглянулся на голос Насти.

– И ты здесь?

– А як же! – сестричка порой подпускала в речь украинизмы. – Подождешь меня?

– Шевели попой! – выразился я.

Настя повертела юрким задиком и показала мне язык. Я только головой покачал, возводя очи горе, как мультяшный мишка, сдружившийся с Машей.

– Да ты не стой! – донесся Настин голос из раздевалки. – Посиди у нас! Я только волосы подсушу. Ладно?

– Ладно, – перешагнул я порог. – А меня тут никто не травмирует от избытка стыдливости?

Было слышно, как сестренка засмеялась где-то в лабиринте шкафчиков.

– Да все ушли давно!

Следом зашумел фен, а я присел на облупленную лавочку у самой двери. Достал расческу и принялся вдумчиво расчесывать влажные волосы.

Водные процедуры помогли – переживания по поводу завтрашней перестрелки в Бугаёвке отошли на задний план. Пуля, конечно, дура, но меня трудно убить – когда я двигаюсь на сверхскорости, то не бегу даже, а несусь громадными скачками. Фиг прицелишься. Такую мишень, как я, и не увидишь толком – промелькнет размытое пятно, пыль всклубится да зашуршит рассекаемый воздух.

«Все равно страшно...» – вздохнул уныло. А что делать? Я же не прощу себе до конца своей второй жизни, если Марина погибнет. Я должен, просто обязан ее спасти!

«И спасу! – я сжал зубы. – Никуда не денусь. И хватит уже об этом! О других лучше подумай. Симпатичный товарищ старший лейтенант тебе дорог, ты хочешь избавиться от навязчивого кошмара, но народу-то больше. Двести пятьдесят миллионов! Их-то как сберечь?»

Я скривил губы в горькой усмешке – мне вспомнился молодой человек, с которым делил купе скорого поезда «Хабаровск – Москва» еще там, в «прекрасном далёко» 2018-го. Мы разговорились с ним о советской эпохе, о перестройке, и этот парень на полном серьезе сказал: «Наши отцы предали идеалы революции!» Вот так.

Конечно, отцов можно понять – натерпелись дефициту! Либерасты их супермаркетами поманили, те и купились. Понять можно, простить нельзя.

Я тоже бедовал при Горбачеве и обменивал продуктовые талоны на «суповой набор» – под таким политкорректным названием выступали несколько очищенных от мяса, чуть ли не обглоданных костей. Тоже маялся под гнетом «сухого закона» – и дрался в дикой очереди за пару бутылок шампанского к Новому году. Покупал спирт «Рояль» и кипятил турецкий чай «Ризе», иначе его не заварить.

Всякое пережил, но комсомольский билет не выбросил. Вот такой я стойкий и принципиальный, идейный и полити-

чески грамотный.

Выходит, для того, чтобы советские люди не стали поделеньниками «дерьмократов», надо всего лишь устроить их жизнь к лучшему? Наполнить полки магазинов и чтобы профкомы награждали победителей соцсоревнования путевками в Таиланд? Победить в экономической борьбе с Западом?

А почему бы и нет? Хм... А не получится ли из этого ползучая горбачевщина? Сорта колбасы станет больше, а коммунизм кто строить будет? Но и не лишать же людей простых радостей! Это же унижительно, когда даже паршивую туалетную бумагу надо «доставать»!

Самое поганое заключается в том, что к 70-м годам СССР подготовился к переменам, которые так и не наступили. Сказали: «На старт! Внимание...», а скомандовать «Марш!» забыли. Или не успели – подоспела «эпоха пышных похорон».

Кое-что было сделано, но лучше бы оставили все как есть. Вон, разрешили директорам заводов пускать процент от прибыли в фонд оплаты труда, так они стали сами себе премии начислять! Даже повышение зарплат всем трудящимся вылезло боком – спрос повысился, а предложить-то нечего. Народное хозяйство оказалось не в силах удовлетворить даже скромные потребности рабочих и крестьян. Но это как раз задача решаемая.

Андропов взялся за нее и даже задумал «Долгосрочную программу перестройки управления народным хозяйством», но не успел. А Горби, застувивший на смену, выдрал из про-

граммы ключевое слово и сделал его звонким лозунгом. «Перестройка»! В реале же катастрофа, распад сверхдержавы и низведение ее до статуса «страны-бензоколонки». Недаром Дэн Сяопин, принимавший Михал Сергеича в Пекине, охарактеризовал будущего президента СССР одним словом, обидно, но верно: «Идиот!»

Помнится, я негодовал на Крючкова, ходившего при Андропове в замах, а в начале «лихих 90-х» выдвинувшегося в председатели КГБ. Ну, что ему стоило арестовать Ельцина и еще человек двадцать из Борькиной клики, идущих против воли народа и совершающих тягчайшие преступления – развал КПСС и СССР?

И я не сразу понял, какое же отчаяние должен был испытывать последний председатель некогда всемогущего КГБ. Ну, арестует он Ельцина с камарильей, и что? Кому он доложит, что враги народа пойманы? Горбачеву? Так того самого надо было сажать по тем же статьям, как предателя родины!

А ведь никого больше не оставалось тогда из старой гвардии. Кулаков помер в 78-м, Машеров разбился чуть позже. Брежнев, Черненко, Андропов, Суслов, Громыко, Косыгин, Устинов – все почил. Последним скончался Советский Союз...

...Неожиданно послышались легкие шаги. Я спрятал расческу, приготовившись встретить Настю, а вышла Рита. Я обомлел.

Сулима щеголяла в чешках и в трениках-обтягушках. И

всё на этом.

Рита ступала утомленно, напрыгавшись и наскакавшись в гимнастическом зале, покрутившись как следует под душем. Потную футболку она брезгливо держала на кончике пальца, а я сидел и любовался тем, как «играл» плоский животик, как едва заметно покачивался Ритин третий размер.

«Надо же, – воскликнул Иа-Иа, – мой любимый размер!»

Увидав меня, Сулима вздрогнула, роняя майку. Покраснела – не от стыда, от злости! – глаза ее сузились, а ладони изобразили лифчик.

– Ты что, Гарин, совсем уже?! – девушка зашипела рассерженной кошкой. – Ты что тут делаешь?

– Сестричку жду, – невинно ответил я, – она сказала, что тут нет никого.

– Я тут есть!

– Ну, извини, откуда ж мне знать, – примирительно сказал я.

Сулима склонилась надо мною и процедила:

– Если ты хоть что-то... Хоть кому-то...

– Ничего и никому, – я поднял руки для пущей убедительности, и ладони как-то сами сложились в «ковшики».

Сулима презрительно фыркнула и развернулась к своему шкафчику. Живо натянув платье, она бросила не оборачиваясь:

– Отвернись!

Я выполнил приказ в точности. Судя по шороху и шеле-

сту, Рита стащила с себя треники.

– Можно.

– Рит...

– Чего? – буркнула Сулима.

– Ты на меня не сердишься? – я говорил спокойно, по-дружески, без пошленькой игривости в голосе.

– Нет. – Холодно глядя в мою сторону, Рита тщательно расчесалась.

Подхватив сумочку, она продефилировала к двери, плавно покачивая бедрами. Вот зараза!

Пройдя по коридору, Сулима повернула голову, встретилась с моим взглядом и победно улыбнулась.

Суббота, 31 августа 1974 года, утро.

Одесса, Бугаёвка

Красный запыленный «Икарус» свернул к одесскому автовокзалу, валко покачиваясь, и запшикал, зашипел тормозами. Приехали!

Покинув автобус, я независимо прошагал в вокзальный туалет. Приспичило если человеку? Закрывшись в кабинке, достал из кармана куртки-ветровки паричок и натянул его, обращаясь в брюнетистого типчика. Нацепил нашлепку,

приклеил усики.

У зеркала проверился – точно не я. Выйдя из туалета, осторожно потрогал «жесткую верхнюю губу» – и тут же выругал себя. Человек в парике и с накладными усами должен быть натурален. Никому же не придет в голову щупать свои настоящие усы или бороду! Следовательно, никаких подозрительных движений допускать нельзя. Вот и привыкай, «двойной ноль»...

Сощурившись, я осмотрелся.

Бугаёвка находилась в пяти шагах от автовокзала. Мне туда. Там, рядом с оградой 3-го еврейского кладбища, расположился знаменитый бугаёвский толчок¹⁴. С виду базарчик как базарчик – старьевщики распродают всякую дребедень, от бэушных примусов до икон с закопченными ликами, а энергичные бабуся торгуют вязаными носками. Но если приглядеться, заметишь, как под прикрытием бабок с дедками удовлетворяют спрос фарцовщики.

Говорят, сами бугаёвцы очень гордятся своим местечком и даже прозывают его «маленьким Тбилиси» – за расположение уступами хат и домов в стиле «барокко». А вокруг гаражи, железнодорожные пути, промзона «Радиалки»¹⁵, заброшенные подземные склады... Отличные пути отхода в случае милицейских облав!

Толчок еще не показался, а передовой отряд фарцы уже

---

¹⁴ Толчок, он же толкучка – толкучий промтоварный рынок.

¹⁵ Завод радиально-сверлильных станков.

замаячил – я влёт вычислил скучающих или торопливо курящих парней. Эти стояли в дозоре – высматривали незваных гостей в стальной форме.

На толчке былолюдно. Бабки торговали прямо с земли, разложив свой нехитрый товар на подстеленных газетах. Точильщик вертел целую «пирамидку» абразивных кругов, наводя остроту на ножи-ножницы. Нахохлившийся дед скучно торговался за пустой аквариум. Крупногабаритная матрона держала перед собой пуховый платок, смахивая на правозащитницу с плакатом.

Люди подходили, приценивались, шли дальше или расплачивались. Товар – деньги – товар. Деньги – товар – деньги.

Не вызывая ни у кого подозрения, я прошелся по торговым рядам, высматривая книжников, но ничего интересного для себя не обнаружил. Зато ребятки с цепкими или бегающими взглядами вились вокруг, как акулки. Раза три у меня поинтересовались, не испытываю ли я острую нужду в джинсах. А может, батничек приобретешь? Как раз на тебя, чувак!

Так и хотелось их послать подальше, но я был вежливый мальчик и лишь головой мотал – отстаньте, мол.

Чем меньше оставалось времени до разборки, тем больше я нервничал. Еще раз глянул на часы – минутная стрелка приклеилась будто... Еще сорок минут. Тридцать пять. Тридцать...

Неожиданно мое внимание привлек старый еврей, покинувший ворота кладбища. Одетый непривычно для своего возраста – в потертые джинсы и блейзер, – он выглядел чужеродным телом на толчке. Тяжело ступая, старик двинулся вдоль стены кладбища к скамейке. Еврей пошатывался, будто пьяный, а очки, висевшие у него на кончике носа, грозили потерять эту последнюю точку опоры. Вот только старпер не спешил их поправить – левой рукой он цеплялся за каменную стену, а скрюченные пальцы правой прижимал к груди. Доплелся до скамьи, медленно осел на нее, бледнея на глазах. Откинулся на спинку, дыша ртом и страдальчески морщась. Очки свалились-таки, стеклышки брызнули, но старику было не до того.

А меня раздражение взяло – ну что бы ему стоило приболеть, когда я уйду?

– Ч-черт...

«Время, время!» – мелькает в голове.

Энергично подойдя к старому еврею, я приложил руку к его впалой груди, ощущая биение дряхлого сердца. Дело шло к инфаркту или, как в это время еще говаривали врачи старой закалки, – разрыву сердца.

– Больно? – отрывисто спросил я, меняя голос – добавляя в него сиплости и хрипотцы.

– Очень... – выдавил старик.

Первым делом я унял боль и восстановил коронарный кровоток. Пережил ли дед стресс или просто противная

бляшка встала поперек, я не знал, да и какая разница? Главное, сосуды расширить и усилить ток кислорода. Без живительного О-два начнется некроз, какой-то час спустя погибнет каждая десятая клетка сердечной мышцы, а нам этого не надо.

– Полегчало... – молвил еврей. – Спасибо, пойду я потихоньку...

– Сидите спокойно, – осадил его я. – У вас инфаркт начался. В больничку бы вам, хотя бы на денек-другой. Прокататься, и вообще... Аспирин принимайте каждый день – помогает. Вы тут один?

– Нет, внучка со мной и... к-хм... сыночки. – Старый поморщился.

Из ворот кладбища выбежала девушка лет... не знаю, то ли восемнадцать ей, то ли мне ровесница. Оглянувшись, распознала старого еврея и кинулась к нему.

– Яэль! – проблеял старпер.

– Да, дедушка! – подбежала внучка. Говорила она с явным акцентом, глядя на старика с испугом и тревогой. – Что с тобой?

– Вызовите «скорую», пожалуйста, – вежливо попросил я ее. – Здесь есть где-нибудь телефон?

– Я знаю где! Я сейчас!

Яэль и впрямь побежала, прижимая локотки к бокам, а иудей с интересом посмотрел на меня, близоруко щурясь.

– Как вас зовут, юноша?

– Зовите меня Миха¹⁶, – усмехнулся я.

– Спасибо вам, Миха, – дребезжащим голосом выговорил старик. – У меня уже случался инфаркт, второй я бы не перенес – мне уже за семьдесят...

---

¹⁶ *Миха* – еврейское имя, переводится как «Подобный богу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.